

Дмитрий Резаев

СКВАЖИНА №9

Дмитрий Резаев

Скважина #9

«Автор»

2026

Резаев Д. А.

Скважина #9 / Д. А. Резаев — «Автор», 2026

Вы можете шить брюки, сочинять песни, находить затерянные в песках города, лечить людей, делать ставки; вы можете ходить на смену, заступать на дежурство, работать на износ, воровать, убивать или плевать в потолок; вы можете стать наемником, олигархом или саксофонистом, – но вы ничего не значите, если у вас нет Скважины. А если у вас есть не просто скважина, а Скважина #9, то что вам этот мир Но ни в коем случае не думайте о Девятой. Некоторые и не думают. Потому что не верят, что такая скважина существует. Но в глубине души, конечно, верят, как и любой старатель. Верить можно. Думать нельзя.

© Резаев Д. А., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Резаев

Скважина #9

Дмитрий РЕЗАЕВ

СКВАЖИНА №9

Мир – соковыжималка.

А мы в ней – фрукты.

Вольный перевод Шекспира

ГЛАВА 1

Медики давно изучили этот феномен и назвали его синдромом хронической усталости.

Все было непонятным с самого начала. Многое осталось непонятным до самого конца. Если окончательная разгадка и существует, то уж точно не в этой жизни. Что разбудило его в то утро? Странная мысль или...

Утробный, дребезжащий звук проникал даже сквозь звуконепроницаемые стеклопакеты. Звук заставлял вибрировать воздушное пространство в радиусе двух километров. Иногда он прерывался, чтобы наполнить воздух тревожным ожиданием его возобновления. Люди в желтых жилетах суетились возле истекающей маслом машины, которая вгрызалась в дорожное покрытие. Их лица хранили отсутствующее выражение. Они знали, что причиняют массу неприятностей всем жильцам окрестных домов, и пытались оградиться за маской непроницаемости от неминуемых упреков.

Сколько он себя помнил, он всегда жил один. Отец канул в небытие, когда ему исполнилось пять. Проволока черной с седыми клочками бороды царапает щеку, дыхание, словно таежный воздух. Смеющиеся серо-коричневые глаза. Вот и все, что осталось. Мать вставала перед ним ослепительно красивой, в ситцевом платье с какими-то легкомысленными желтыми цветочками. Она исчезла, когда ему исполнилось семь. Просто исчезла, и все. Она вышла в соседнюю комнату (гостиную, кухню?) и не вернулась. Он даже не испугался. «Мама пошла в магазин», – подумал он тогда и заснул. А утром за ним приехали. С тех пор он жил один. От родителей не осталось даже фотографий. Он не смог бы найти и тот дом, в котором они жили. Единственное, что он помнил, – две уродливые фигурки странно-страшных существ над большим, торжественным, парадным входом. Они постоянно притягивали его взгляд. Он не боялся, но каждый раз, когда обращал на них внимание, почему-то волновался. Два каменных уродца. Только и всего. Он тщательно хранил все воспоминания о матери, об отце и о... них. Это не составляло труда, поскольку воспоминаний было немного.

Грохот то усиливался, то стихал, но по-прежнему не оставлял никаких шансов на то, что когда-нибудь прекратится. Бесшумных строительных работ не бывает. Люди в желтых жилетах прекратили суетиться и уселись на бордюр перекурить. Машина сама знала что делать.

Одиночество не угнетало его. Он был совершенно один в муниципальном приюте. Тусклые лица, серые передники воспитательниц, серая каша, серые влажные простыни. Он был совершенно один в школе для особо одаренных детей. Ярко-зеленая доска, ослепительно белый мел. Старичок в пенсне с золотой оправой, который называл его на «вы», при этом чуть кланяясь.

Он был один на выпускном экзамене в престижной школе (главной школе!). Его взяли туда со стипендией и даже сняли для него (пожизненно!) квартиру в престижном районе Бурга. Зачем-то он был им нужен.

Друзей у него не было. Подружки были, но немного. Некоторых девушек тянуло к нему. Одну из них он, кажется, любил. Как ее звали, не помнил.

Он привык к тому, что люди либо сторонятся его, либо видят в нем что-то странное, либо восхищаются им, как какой-нибудь диковинкой (сирота-вундеркинд!). Он привык.

Но сегодня утром...

Звук срывался на высокие, визгливые, почти истеричные ноты, когда бур наткнулся на неожиданное сопротивление грунта. Он возмущенно, со злобой преодолевал его и снова начинал удовлетворенно урчать на низких тонах, словно кот, который позволял себя гладить хозяйке, зная, что скоро она даст ему не сухой корм, а настоящую сметану.

Сначала он был уверен, что его разбудил именно этот звук. Но потом...

...он проснулся оттого, что наконец понял причину своего одиночества.

Мысль вспыхнула в его голове, как двухсот ваттная лампочка в крохотной кладовке. Он вскочил, свесив с кровати мускулистые икры. Сердце бешено колотилось. Реальность изменила свои очертания. Он словно впрыгнул в параллельный мир. С удивлением отметил, что подушка валяется на полу. На краю – темное пятно от слюны. В окно бил яркий солнечный свет.

Что-то изменилось. И причиной этого изменения была мысль-открытие. Самая старшая в иерархии человеческих мыслей. Возвышающаяся над мыслишками, догадками, обрывками воспоминаний и прочим мозговым шлаком, всплывающим пеной из глубин подсознания. Мысль была четкой и яркой.

Это не **люди** сторонились его. Это **он** сторонился людей.

И не просто сторонился. А *прятался* !

Семилетним он прятался за беспамятством. Потом надежным убежищем стали блестящие способности. Они позволяли ему скрывать лицо за толстой книгой или таиться в самом темном углу библиотеки, не посещать вечеринки и общественные места. Он «череп», он «ботаник», он заиклен на учебе.

Он пружинисто вскочил с кровати. Огляделся. Простыни были смяты так, будто их всю ночь жевал бультерьер.

Вместе с ним встал и вопрос: от кого он прячется?

Он прошел в ванну. Из зеркала на него глянул молодой человек весьма симпатичной наружности. Правильное лицо, сошедшее с рекламы нового лака для волос. В глазах – свежесть. Словно не было смятых простыней, не было ошеломляющего открытия, не было... чего-то еще. Чего-то, что вползло к нему в квартиру этой ночью, искорежив действительность, словно танк малолитражный автомобиль.

Он начал чистить зубы электрической щеткой. Шум электромоторчика завизжал в унисон бумажной машине за окном. Он непроизвольно поморщился. По телу пробежала теплая волна (такое с ним бывало не раз, когда он испытывал чистые эмоции), и... бур захлебнулся. Он как будто чем-то подавился, когда очередной кусок гранита попал ему не в то горло. Наступила тишина. Он удивленно посмотрел на свою щетку. Она тоже перестала дрожать. Он потряс ее. Никакого эффекта. Видимо, подсели батареи. Он заменил их и снова принялся за утреннюю гигиену. Бур за окном молчал. Сломался наконец.

Покончив с утренним туалетом, он поплелся на кухню, с удовольствием шлепая босыми ногами по паркету. Он снова и снова возвращался к мучившему его вопросу. Но теперь уже более спокойно. Черт его знает, что ему приснилось. Вполне возможно, именно ночной кошмар и стал причиной его тревоги.

Яйца легли на сковородку ровными кругами. Вокруг также аккуратно ежился на раскаленном масле белок.

Сегодня.

Что сегодня?! Он прекратил кулинарные манипуляции. Что сегодня!?

Сегодня.

Они нашли его! Те, от кого он прятался. Он напрягся. Никто не хочет оказаться сумасшедшим. Никто. А он особенно. Он не хотел попасть в закрытую лечебницу, где так трудно спрятаться от тех, кто...

От кого!?

Он в отчаянии швырнул вилку на пол. Нужно взять себя в руки, поесть, а затем просмотреть отчет. К обеду он должен его сдать. Он несколько раз глубоко вздохнул. Затем залез в аптечку и достал успокоительные таблетки. Желтая наклейка на пузырьке придала уверенности. Он вспомнил, что таблетки лучше принимать на полный желудок и сел за стол преисполненный решимости довести завтрак до логического конца. Он ел яичницу со старательностью школьника, желающего, во что бы ни стало, угодить любимому учителю. Но, доев, невольно вздохнул с облегчением. Стало понятно, что помощи таблеток не избежать. Желтый пузырек вновь завертелся в его ладони.

Он подошел к окну. Бур был похож на слона, которому прищемили хобот. Что-то неестественное вкралось в эту утреннюю картину. И он мгновенно понял, что именно. Рабочие в желтых жилетах не обращали никакого внимания на поломанный агрегат. Они снимали аммуницию. Каски уже лежали на асфальте. Рядом падали желтые крылья жилетов. Рабочие торопливо бросали окурки и бежали в сторону подъезда. *Его* подъезда!

Паника, которую он сдерживал все утро, вырвалась наружу, едва не прихватив с собой яичницу. Он не успел сообразить, как ему удалось так быстро одеться. Через несколько секунд он уже покинул квартиру.

Они нашли его! Нашли. Они искали его столько лет. И наконец нашли. Все. Точка.

Рабочие сосредоточенной кучкой стояли у лифта на первом этаже. Один – самый угрюмый – с длинноствольным пистолетом в руке перекрывал пожарный выход. Еще один заблокировал парадную дверь, чтобы никто не вошел.

Консьерж сидел за конторкой с удивленно-возмущенным лицом. *Мертвым* лицом. Лица только что умерших людей сохраняют странную застывшую живость, свойственную скульптурам подлинных мастеров. Между бровей затаилось черное пятнышко. Как у индийских женщин, вышедших замуж. Невеселая свадьба. Свадьба со смертью под гудение лифта и зловещее перешептывание мыслей «рабочих».

Он видел все это столь же отчетливо, как и люк, ведущий на чердак. Видимо, стресс обострил его восприятие. Если это не так, то тогда: «Добро пожаловать, старая добрая пара-

нойя». Он положил руку на прут железной лестницы и с тихим проворством стал карабкаться вверх.

Двери лифта распахнулись. Рабочие гибко просочились внутрь. Кнопка вспыхнула, двери плавно закрылись, и их потащило наверх.

– Надеюсь, мы застанем его спящим, – предположил один из «рабочих».

Еще один хмуро мотнул головой:

– С таким прикрытием, как эта гигантская бормашина, мы не смогли бы застать спящим даже покойника. Так что готовьтесь.

– Говорят, он не знает.

– Они все не знают, а потом...

– Хоть из какой он категории, известно?

– В том-то и дело, что нет.

Последнее сообщение добавило лицам «рабочих» суровости.

Люк на чердак открылся легко. У многих жильцов, любителей позагорать на крыше, имелись электронные ключи. Он выбрался на чердак и аккуратно закрыл люк.

Одновременно с этим движением разъехались в стороны створки лифта. «Рабочие» очутились перед дверью его квартиры. Теперь он их видел в тонкую щель. Старший «рабочий» достал пластиковую отмычку и осторожно отпер дверь. Хозяин удовлетворенно кивнул сам себе. Его охватила радость. Путешествие в психушку откладывалось. Дальше он смотреть не стал, а пошел вглубь чердака мягким кошачьим шагом.

Старший пропустил группу вперед, а сам остался на площадке. Он втянул носом воздух. Что-то его настораживало. Запах кожаных сандалий? Зубной пасты? На площадке кто-то только что был. Присутствие еще не исчезло окончательно. Старший осмотрел лестницу, ведущую на чердак. Он увидел, то, что и ожидал увидеть – еле различимые следы. Кто-то только что взбирался по лестнице. Гармония крашеного металла была нарушена. Те места, где ступала нога человека, были темнее. Старший заглянул в комнату:

– Он ушел чердаком. Они все-таки предупредили его.

«Рабочие» выскочили на площадку и заскользили вверх по лестнице на чердак. Двое остались «прибраться».

Он ланью пронесся по чердаку до выхода на крышу. Взлетел по лесенке и выбрался на свежий воздух, где его мощным ударом встретило летнее солнце. Он перескочил через взвизгнувшую девицу, которая обнаженной лежала в шезлонге, и побежал к антенной площадке. Там он надеялся затеряться среди спутниковых тарелок и чашек контроля. Мелькнула мысль вызвать «Черный эскадрон». Но ее тут же захлестнула волна страха. *А если они и есть «Черный эскадрон»?*

Голова Старшего показалась из люка и внимательно осмотрела окрестности. Старший не видел Адама Смита, но знал, что он здесь. Женщина в шезлонге. Это плохо – лишний свидетель. Антенное поле – это хорошо. Больше ему прятаться негде. Никто еще не уходил от Охотника. Даже перед профессионалом у него фора.

Невозможно скрыться незаметно. Даже растворившись в воздухе, вы все равно оставите след, как корабль оставляет след в океане. Вода чуть меняет цвет, и опытный глаз всегда разглядит дорожку, по которой прошло судно. Иногда даже через два дня, особенно если корабль большой.

Старший осторожно вылез на крышу. Оружия у него нет. Но, черт его знает, из какой он категории. От предположений захватило дух, и засосало под ложечкой. Этого Старший не любил. Бояться нельзя. Стоит один раз отпустить вожжи, и страх сожмет тебе шею коленями и погонит к пропасти. Спокойно. К какой бы категории ни относился Адам Смит, пуля всегда сильнее. Главное не потерять контроль.

Следом за Старшим на крышу выбрались остальные. Они стали рассредоточиваться по периметру, стараясь расположиться так, чтобы в поле зрения попали все укромные местечки.

Никакого удовольствия от загорания больше получить не удавалось. Этот полоумный тип, который перепрыгнул через нее самым бесцеремонным образом (по-моему, симпатичный) испортил все настроение. Она открыла недовольные глаза и увидела мужское лицо, смотревшее на нее с досадой. Фигура стояла, загораживая солнце, и представляла собой практически черный силуэт. Она хотела выругаться, но у самого ее лица возник баллончик с газом, затем брызнула струя (приятный запах!). А потом ей стало хорошо.

Они медленно сжимали кольцо вокруг антенного поля. Смит видел их. Не так отчетливо, как ему хотелось, – только быстрые, мелькающие тени, – но все же видел. Сколько их? Десять, двадцать? Не стоит давать волю фантазии, которую питает страх. Рабочих у бурильной машины было четверо. Четверо, а никак не двадцать. Кто они? Судя по ловким движениям – опасные типы. Он физически ощущал приближение противника. Больше ждать не было никаких сил. Нервы зазвенели как натянутые струны, и он рванул с места, даже не отдавая себе отчет, в каком направлении бежит. Он огибал антенны, как слаломист. Перед ним мелькнул выход с чердака в соседний подъезд. Смит успел сообразить, что это последний подъезд, а сразу за ним – тридцатиметровая пустота. Больше ни о чем подумать он не успел. Прямо перед ним стоял человек с пистолетом в руке. Смит, не останавливаясь, буквально вбежал в него, как бы отказываясь поверить в существование препятствия. Тот от неожиданности вскрикнул и исчез за парапетом. Его вопль оборвался далеко внизу. Смит лихорадочно огляделся. Где-то здесь должна быть пожарная лестница. Он осторожно перегнулся через парапет и осмотрел стену, стараясь оставить в расфокусе хищно затаившийся в ожидании новой жертвы асфальт. Где-то внизу краешек глаза уловил черно-красное пятно. Вот она, лестница. Адам усилием воли перевалил свое тело через край крыши и, нащупав лестницу, стал спускаться. Нужно все делать быстро. Очень быстро, иначе...

Он поднял голову вверх и увидел выглядывающее из-за крыши лицо. Черные угольки глаз гипнотизировали его. Он не знал, но догадался – Старший. К двум глазам добавился третий. Смит даже сразу не сообразил, что это дуло пистолета.

– Поднимайтесь наверх, мистер Смит. Зря вы так волнуетесь. Мы не хотим причинить вам вреда. Напротив. Нас послали охранять вас. Поднимайтесь, – он протянул ему руку, – я помогу вам.

– Охранять? От кого? – Смит крепче вцепился в поручни.

– Я не могу разговаривать с вами в таком положении, – Старший улыбнулся. – Скажите, от кого вы бежите?

Действительно от кого? От ночного кошмара? Смит потряс головой, отгоняя наваждение.

– Я не верю вам, – выдохнул он и продолжил спуск.

– Почему?! – оскорбился Старший.

– Я не верю людям с пистолетами, – объяснил Смит.

В его фигуре было столько уверенной целеустремленности, что Старший на мгновение опешил и с удивлением посмотрел на пистолет, проверяя, уж не выронил ли он оружие. Иначе с чего бы Смит стал таким смелым? Замешательство продлилось микросекунду. Старший буквально задохнулся от гнева.

– Стоять!!! – страшно закричал он. – Наверх! Живо! Или я буду стрелять!

Смит еще раз посмотрел на своего преследователя. Этот будет. Сомневаться не приходилось. Он глянул вниз. Далеко. Как же далеко! Он вздохнул и стал медленно подниматься. Пуля в голове или голова на асфальте – оба варианта его не привлекали. Он вдруг почувствовал прилив сил и быстро, упруго полез вверх. Старший улыбнулся и скрылся за краем крыши.

Когда Адам перевалился через парапет, Старший встретил его с улыбкой.

– Мистер Смит, вы убили человека. Стокнули живого человека с десятого этажа.

Смит вытер лоб тыльной стороной ладони.

– Ваш человек угрожал мне пистолетом. А если и вы будете мне угрожать оружием, не исключено, что попытаюсь столкнуть и вас.

Улыбка исчезла. Чеширский кот без улыбки. Нехороший чеширский кот. Брови Старшего сомкнулись на переносице. Глаза превратились в узкие щелочки. Губы стали тонкими и бескровными.

– Вы доставляете нам слишком много хлопот, мистер Смит. Я могу прострелить вам колено, а затем отвезти в багажнике автомобиля туда, куда мне нужно.

– Кто вы?

– Это не имеет значения. Я всего лишь выполняю поручение. Конфиденциальное поручение. Свои вопросы вы будете задавать не мне.

– Так вы Охотник?! Вы – Охотник!

Старший едва заметно кивнул.

– Это не имеет значения. Вам придется отправиться с нами.

Из-за спуска в последний подъезд показался еще один Охотник. Он вопросительно посмотрел на Старшего.

– Все в порядке, – ответил на его немой вопрос Старший, – наблюдайте за улицей. Вполне возможно, что он успел вызвать Эскадрон, хотя и вряд ли.

– Вызвал, можете не сомневаться. Еще из квартиры. Я заметил вас в окно. Вас и ваш идиотский бур. Это незаконное лишение свободы, – с вызовом крикнул Смит.

– Время, шеф, – напомнил второй Охотник, постучав пальцем по запястью, и скрылся.

Старший вытянул руку с пистолетом.

– Извините, Смит, но мы торопимся. Хоть вы меня и сильно разозлили, ограничимся легким ранением в мягкие ткани. Черт вас знает, из какой вы категории.

– Это ошибка! – завизжал Смит, – ошибка! У меня нет никакой категории. Свяжитесь с заказчиками! Это оши...

Договорить он не успел. Раздался сухой треск выстрела. Вопреки собственным ожиданиям, Смит не зажмурил, а, наоборот, распахнул глаза как можно шире. Он буквально вцепился взглядом в дуло пистолета. Он даже разглядел приближающуюся к выходному отверстию пулю. Она медленно вращалась в канале ствола, окруженная парами пороховых газов, сизых, как нос пьяницы. Вот она высунула тупое свинцовое рыльце, принялась и вылетела на оперативный простор. Потом, словно ослепнув, она порыскала из стороны в сторону и... упала. Шлепнулась на рубероидную поверхность крыши. Глаза Старшего стали стеклянными. Он смотрел на пулю, приоткрыв рот. Смотрел и не мог оторваться. Его будто мгновенно залило цементом. Над головой неслись веселые, кудрявые облака. Где-то рядом чирикали воробьи. Иногда шумно вздыхал ветер. А он все смотрел и смотрел. Пуля абсолютно целая лежала в полутора метрах от его правого ботинка. Старший огромным усилием воли заставлял себя представить, что ее там нет. Но она там была. Вселенная рухнула.

Адам Смит быстро спускался по пожарной лестнице, оставив Старшему возможность самостоятельно выйти из состояния кататонии. Он удивительно легко выгнал из головы все мысли, догадки и вопросы. Сейчас он был сконцентрирован только на последовательных, рит-

мичных движениях, позволявших ему все дальше и дальше уходить от этой странной утренней погони.

Старший медленно поднял голову. Смита не было. Он с трудом сделал два шага по направлению к парапету. По его лицу ручьями лил пот. Рука с зажатым в ней пистолетом мелко тряслась. Он с ужасом посмотрел на нее и разжал пальцы. Пистолет упал у его ног, обиженно звякнув. Рука тут же перестала трястись, и Старший с облегчением вздохнул. Трель телефонного звонка чуть не лишила его чувств. Он приложил ладонь к уху. Раздался искаженный расстоянием голос:

– Эй, ну что там? Какой он категории?

Старший так и не смог вернуться в нормальное состояние:

– Стерн? У него НЕТ категории.

– Как это нет? У них у всех есть категория. Что он сделал? Скажи мне, что он сделал? Что он может? Вы выяснили это?

– Он ушел. Просто ушел.

Старший устало присел на парапет. Равнодушно глянул вниз, плюнул, вынул сигарету и закурил. Ему было хорошо. Он знал, что с этой минуты перестал быть Охотником. Напряжение мгновенно отпустило, в нем теплой волной разливалось благодушие. Бывший Старший, прищурившись, глянул на солнце – хорошо!

ГЛАВА 2

Хронический синдром усталости характеризуется наступлением персистирующей или рецидивирующей усталости при одновременно большом напряжении.

Высотка напоминала зуб из металлокерамики. Полированная стеклянная поверхность презрительно отталкивала солнечный свет. Сто этажей, наполненных сверхприбылью. В это здание входили люди, преисполненные собственного достоинства. Они не знали никаких иных проблем, кроме принятия эффективных управленческих решений. Страна обтянутых кожей кейсов, безупречно повязанных галстуков и дорогого мужского парфюма, скоростных лифтов, огромных кабинетов и умопомрачительных секретарш с влажными губами и знанием иностранных языков. Королевство менеджеров, раскинувшее свои владения среди орд варваров, передвигающихся на общественном транспорте и пожирающих холестерин, разогретый в микроволновках. Королевство, чьи границы нерушимы. Любой тунеядец, бытовой алкоголик и неудачник знал, как называется это королевство – Первая энергетическая компания.

Королевство ненавидели все. И все мечтали о нем. О тех богатствах, которые скрывались за сталью и бетоном: представительских расходах, корпоративных кредитных карточках, командировках на Гавайи, закрытых счетах в швейцарских банках, загородных виллах, дорогих автомобилях, сделанных на заказ, и воскресных партиях в гольф с Президентом.

Первая энергетическая компания. Сто этажей. Вы ошиблись – вам не сюда.

Биш поднимался в персональном лифте, двери которого открывались прямо в комнате отдыха его кабинета. Голова, обычно переполненная пунктами распорядка дня, на этот раз была абсолютно пуста. Пока думать было не о чем. Текущие неприятности не могли испортить открытия, которое его Разведчики сделали месяц назад. Перспектива новой разработки была настолько огромна, что Биш едва сдерживал улыбку. Прибыль ожидалась такой высокой, что с трудом поддавалась подсчету.

Двери скользнули в разные стороны мягко и бесшумно, словно виртуозы-полотеры. В ноздри ударил приятный освежающий воздух. Биш прошел в заднюю комнату, бросил в кресло портфель, а сам уселся на диван. Набрал на клавиатуре программу завтрака и откинулся на спинку, заложив руки за затылок. Приятно хрустнули суставы. На мгновение его захлестнула волна абсолютного счастья. Господи, как же хотелось жить и жить!

До начала объединенного заседания оставалось еще полчаса.

На столе, клацнув, открылась крышка, и на мельхиоровом подносе появился завтрак – высококалорийный и очень вкусный. Его готовил этажом ниже личный повар Биша. Энергия для готовки была бесплатной. Она же освещала здание, питала компьютеры, телевизоры и все остальное. Все работало практически даром.

Биш взял вилку и проткнул ей воздушный омлет с грибами. Одновременно он с удовольствием поглядывал на хрустальный бокал с ледяным апельсиновым соком.

В углу тактично пропищал телефон.

– Да, – активировал его собственным голосом Биш.

– Это я – Мирт. Дата начала разработок откладывается. Это к тому, чтобы ты был в курсе перед собранием.

– Ты имеешь в виду Скважину № 9?

– А что же еще?

– Ну не знаю... У нас в разработке около полусотни месторождений.

– Рад, что у тебя с утра хорошее настроение, и ты способен валять дурака. Лично мне не до смеха. У разведки крупная авария. Мы тут все в мыле.

Биш напрягся и положил вилку на стол.

– Это серьезно? Ты же знаешь, что для нас значит Девятая.

– Пока все в пределах нормы. Чуть-чуть ошиблись с технологией, но радикального – ничего.

Биш снова взялся за вилку, подцепил очередной кусочек омлета, в котором, как бабочка в янтаре, застыл кусочек трюфеля, и плавно отправил в рот. Тщательно прожевав, Биш продолжил:

– Я надеюсь на тебя. Что ты делаешь сегодня вечером? Может, сходим в оперу?

– Вряд ли. Дел по горло.

Сухой щелчок оборвал связь. Биш, прикрыв глаза, пил апельсиновый сок. Его тело наполнялось жизненной силой. О Девятой никто не знает. И вопрос только один: подавать заявку или выждать? Есть такие браконьеры, которые за время процедуры подачи и рассмотрения заявки умудряются выкачать из скважины миллионы. Нет, лучше сначала начать разработку, а уже потом подавать заявку. Старый закон Шерри еще действовал, хотя ему и было уже около двухсот лет: начал разработку – скважина твоя. Это все равно что подать заявку. Правда, потом придется платить совсем другие налоги. Но при таких сверхприбылях, которые ожидаются от Девятой, можно и потерпеть. С другой стороны, не платить большие налоги – дело принципа любой уважающей себя кампании. Это вопрос престижа, вопрос уровня квалификации ее менеджеров. А Биш был не просто менеджером. Он был королем менеджеров.

Появился ароматный чай, настоящий на травах. Мелькнула и тут же исчезла мысль прибавить повару зарплату. На панели прямо перед глазами Биша зажглась зеленая лампочка – сигнал, означающий, что до заседания осталось тридцать секунд. Роберт Биш пружинисто встал и энергичной походкой вышел в кабинет. Длинный стол. Графины с минеральной водой и красные папки с полугодовым отчетом. Биш занял свое место во главе стола. Он с удовольствием дал своему телу утонуть в мягком огромном кресле, спинка которого возвышалась над его головой сантиметров на тридцать, словно корона императора.

В кабинете стали собираться члены правления и акционеры – хомячки, проводящие всю жизнь в ожидании очередной порции корма.

Биш кивнул Мирту – своей бессменной правой руке, товарищу школьных игр. Мирт был взлохмачен, под глазами синие круги. Такой вид он имел всегда, отчего в корпорации его считали тайно пьющим. Но Биш знал, что это не так. Мирт являлся трудоголиком и соней одновременно. Это было его наказанием. Он любил работать и любил спать, но работал он столько, что даже обычному человеку было бы невозможно выспаться. Мирт задел кого-то из акционе-

ров и, буркнув что-то вместо извинения, сел, как и положено, по правую руку от Биша. Члены правления расположились на противоположном конце сигарообразного стола. Акционеры расположились вдоль по обеим сторонам.

Кирк сразу налил себе минералки. А вот этот пьет. Впрочем, ему можно. Он в жизни палец о палец не ударил. Его вполне устраивал доход по акциям. Биш понимающе ему улыбнулся. Кирк в ответ смущенно пожал плечами. На его шее багровел свежий след поцелуя. Опожнив стакан, он тут же налил второй. На него с осуждением посмотрел Порч. Гнида редкостная. Этот всех вокруг считает негодяями, цель жизни которых – его надуть. Теннис, утренние пробежки, энергетические коктейли, массаж и никаких излишеств. В результате: пиелонефрит, панкреатит, отслоение сетчатки и какие-то проблемы с суставами. Будет задавать дурацкие вопросы. Он еще только ехал в лифте, а весь офис уже знал, что во время утренней пробежки какой-то мудака плюнул ему с десятого этажа на голову. Биш еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

Доклад он начал бодрим, жизнерадостным голосом, сообщил о том, насколько увеличились дивиденды акционеров, быстро пробежался по текущей работе, а затем эффектно выдал главный козырь:

– Господа, у нас в перспективе пятикратное увеличение объемов.

– Новое месторождение? – подал голос Кирк, делая вид, что интересуется делами. На самом деле главное дело его жизни, стать акционером Первой энергетической, было далеко позади. Блестящий выпускник бизнес-школы, он очень быстро сколотил состояние на бирже, купил пакет и пустился во все тяжкие. Кирк ненавидел бизнес. Он любил выпивку и женщин. Вполне естественно.

– От выпускника Бургпойнта ничего невозможно скрыть, – развел руками Биш.

– Насколько мне известно, пока даже не подана заявка.

Это Порч. Чтоб он сгорел в своем солярии. Биш быстро написал несколько слов на стикере и пододвинул его Мирту, не переставая во все стороны сверкать зубами.

– Мы решили не прибегать к процедуре подачи заявки, воспользовавшись законом Шерри.

Мирт пододвинул стикер и, с трудом удерживая глаза открытыми, прочел: «Откуда он знает?» Не поднимая головы, Мирт едва заметно пожал плечами. Он был уверен, что это движение не ускользнет от его старого друга – лучшего разыгрывающего школьной баскетбольной команды, которого за необычайное периферическое зрение прозвали Конь. Потом эта кличка ассоциировалась с другими достижениями Биша.

– В соответствии с пунктом пятым статьи шестой подраздела третьего, – голос Биша стал нудным и противным. Именно такие звуки могла издавать сама скука. Слова скользили по ушам слушателей, не проникая внутрь. Все приуныли – сейчас начнутся зубодробительные юридические тонкости. Кирк сморщился и с тоской посмотрел на пустой графин с минералкой. Порч брезгливо пододвинул ему свой. Он пил не всякую минеральную воду. Эта сволочь Биш знала это и специально подсовывала именно «Акран». Эта сволочь знала все обо всех. Он наверняка нанимает шпионов и собирает досье. Если его поймать за этим занятием, то можно посадить лет на двадцать. Только не поймаешь. Потому что сволочь.

– Этому закону двести тринадцать лет, – бесцеремонно прервал Биша Порч, – и насколько мне известно, его уже трижды оспаривали в суде.

Биш улыбнулся еще шире:

– Вы забываете о судебном взносе.

Порч обиженно замолчал. Надули. Опять надули. Но так просто он сдаваться не собирался.

– Восточная энергетическая группа способна заплатить любой взнос.

Судебный взнос равнялся десяти процентам от предварительной оценки месторождения.

Биш легкомысленно подкинул вверх карандаш и ловко поймал его двумя пальцами:
– *Такой* взнос они заплатить не смогут.

Акционеры замерли, высчитывая размеры месторождения. Через секунду на их лицах уже блуждали улыбки, глаза заблестели, как от рюмки чистого джина. Они начали возбужденно переглядываться. Два стройных ряда серых костюмов сломались. Кабинет наполнился гулом голосов. Биш слегка хлопнул ладонью по столу, ставя точку в заседании (как Кирк любил его короткие заседания!).

– Всего доброго, господи!

Акционеры задвигали креслами.

В комнате отдыха не осталось и следа от той благодушной атмосферы, что была с утра. Биш нервно расхаживал по периметру комнаты. В центре стоял Мирт. Он не выдержал первым:

– Остановись!

Биш вздрогнул:

– Это ты мне?

Мирт:

– Разведчики все исправят. Девятая будет наша.

Мирт почти подпрыгнул:

– Ты придурок! Полный придурок! Откуда он знает?! Откуда он знает, что даже заявка еще не подана? Я час назад еще сам не решил, подавать или не подавать. А он уже знает, что мы обнаружили Девятую. Она еще не наша. Откуда он знает?

– Порч? Да Бог с ним... Ты его неплохо уделал.

Биш раздраженно нажал на кнопку на столе. В ответ последовал почти визг.

– Вот черт, – выругался Биш, – да! Да! Бефстроганов. Две порции.

Он снова стал колотить по клавишам. В ответ появилось дымящееся блюдо.

– Ты не понимаешь, болван, что у нас на корабле Крыса!

– Успокойся, – Мирт задумчиво отщипнул кусочек мяса, – Крыса!

– Вот именно Крыса! – Биша начало трясти. – Откуда Порч узнал, что у нас проблемы? Разведчики? Крысы бывают двух видов. Первый – идеологический. Она сдает нас конкурентам. Конкуренты узнают о Девятой и столбятся раньше нас. Это нормально. Мы всегда можем договориться с Восточной. Даже пятьдесят на пятьдесят – это нормально. Но самое страшное...

Мирт умел ловить мысль своего друга с полуслова:

– ...если это жадная Крыса.

– Да! Жадная Крыса. Она может продать информацию о Девятой всем. Всем, кто платит. Веером. А это значит, что завтра о нашем Эльдorado узнают все кому не лень. Как я ненавижу этих мелких старателей! Они накинутся на скважину, как стая вампиров и высосут ее досуха. Все это будет сопровождаться страшной сварой, бесконечными тяжбами. Они еще и перегрызутся над бедным трупом нашей Девятой.

Мирт оторвался от бефстроганова:

– Они могут запросто похоронить месторождение.

– Могут, могут, – мрачно согласился Биш.

Роберт Биш встал, хрустнул суставами и почти крикнул самому себе:

– Девятая наша!

Мирт остался сидеть. Им овладело истеричное спокойствие. Пальцы его рук сплелись между собой, как запутавшаяся леска рыбака.

– Ты уверен?

– Что ты хочешь этим сказать?!

– Ну-у...

– Если нас опередят, я тебя съем вместе со всей твоей эндокринной системой.

– Тогда нас всех съедят. Будем наемниками, техническим персоналом. С большим окладом и «золотыми парашютами». Но с другой стороны, мы можем довольствоваться обычной рентой, обычными ручейками...

– О, Господи, меня сейчас стошнит – «обычными ручейками»!

– А что? – Мирт встрепенулся, как петух после схватки со страусом. – Курочка по зернышку клюет.

– Курочка?!

Биш брезгливо посмотрел на остатки бефстроганова. Прошелся по кабинету и бросил тихо, но веско:

– Активизируй их.

– А Крыса?

– Я знаю, кто Крыса. Об этом не беспокойся.

Мирт напрягся, по его скулам волной пробежала судорога. Мышцы разгладились, а скулы порозовели.

– Ты думаешь, что это я?

– Нет.

– А кто? О Девятой до конца знаем только мы с тобой. Ты подозреваешь меня – это понятно.

– Забудь. Мы еще сыграем с этой Крысой в кошки-мышки.

Вошла умопомрачительная секретарша, которая была всего лишь дополнением к интерьеру, и задернула шторы. За окном угасал свет.

Биш озорно улыбнулся:

– Может, по старой, обычной программе?

– Нет, Дик, – быстро ответил Мирт, – я – домой.

Быстро, ох, слишком быстро ты ответил, Мирт. Подозрения! Именно из-за них Каин возненавидел Авеля. Или наоборот?

Лифт захлопнулся за Миртом, отрезая от Биша то огромное пространство, которое оставалось вне здания. В этом пространстве перемещался Мирт, ехавший в свою небольшую квартиру на юге Бурга (он любил малые пространства... агорафобия?). У Роберта была квартира в высотке Первой энергетической компании. А у Мирта – где-то там, на юге, что давало ему возможность, скрываясь от наблюдения, проворачивать свои дела. Или...

Добро пожаловать, старая добрая паранойя.

Биш не стал ужинать и принимать душ. Он просто повалился в постель. Но...

Биш не хотел засыпать. Ему мешали: то ли предчувствия, то ли подозрения, то ли...

Под окнами...

Волны набегали на причал, маскируя своим шумом лодку. Небольшую черную лодку. В ней был почти неразличим лодочник, который сушил весла. Он не дорожил своей посудинкой, – прыгнув на берег, просто оттолкнул ее ногой, и даже не посмотрел, как ее относит куда-то вдаль (в открытый океан?).

Биш встал и захлопнул окно, чтобы ему не мешал прибой.

Но он *был*. Был!

Биш решил побриться на ночь. Он включил электробритву, чтобы просто нарушить ночную тишину. Она жужжала. И это успокаивало.

Что-то шумело (электробритва?). Что-то вкралось в его план. Ему были нужны не только деньги.

Нет! Только деньги! Девятая – это деньги! Или... что-то еще?

Биш подошел к окну и недовольно поморщился. Его убеждали, что стеклопакеты звуконепроницаемы. Но что-то все равно проникало, просачивалось сквозь кристаллическую решетку стекла. И это был шум...

Биш взгляделся в темноту, сквозь которую сразу стали проступать пугающие очертания.

Прибой бился седой головой о берег. Играл с мусором. И лодку не отнесло. Ее выбросило на мокрый песок метров через сто. Лодочник оглянулся и заметил это. Черт с ней. Он зашагал прочь.

Странный лодочник. Очень странный. В его фигуре было Бишу что-то знакомое. Обычная фигура. А учитывая густые сумерки и дальность расстояния... Но фигура была знакомая. Нет, не фигура. Походка. Где-то Биш уже видел этот мерный, вроде бы неторопливый шаг. Но именно такими шагами пересекаются пустыни. Ровный, четкий, очень экономный ритм.

Нужно выспаться. Нужно встать завтра свежим и решить проблему с Девятой. И дело не в разведчиках. Дело даже не в Крысе. Дело в том, что в Восточной знают о Девятой. Он чувствовал, что именно сейчас они собрались на заседание в Мансарде и лихорадочно обсуждают, как завладеть Девятой. *Его Девятой.*

Биш закрыл шторы.

Тихий прибой. Он давно к нему привык. Почему же ему казалось, что вот сейчас он его смоеет, как следы на прибрежном песке?

Как плохо, когда их двое...

Их?! ДВОЕ?!

Биш не мог избавиться от этой мысли. И эти двое могли разрушить все то, что он строил последние двадцать лет. Он и Мирт. Милый, старый, добрый Мирт, который забыл поздравить его с последним днем рождения. Нет, он поздравил. Через неделю. Тогда был его официальный день рождения. Но Мирт-то знал, когда его настоящий! Знал! Единственный из всех.

И эта электробритва, подаренная Миртом, резала его до кости, срывая кожу и обнажая десна на нижней челюсти. Он чувствовал себя клоуном с улыбкой от уха до уха – Гуин-плен-интернешнл. Улыбка на всю жизнь.

О, Господи! Как он не любил Крыс. Но Крыса в образе Мирта – это уж слишком.

Биш потряс головой. Нет никаких «двух». Нет никаких «их». Есть только он и Девятая.

...Он знал. Он все знал. Он начинал с Южной улицы. Его унижали, и он унижал (иначе не выживешь). И поэтому он знал *всех*. Вот тогда-то он и узнал о скважинах. И о частных старателях.

Вы можете шить брюки, сочинять песни, находить затерянные в песках города, лечить людей, делать станки; вы можете ходить на смену, заступать на дежурство, работать на три ставки, воровать, убивать и грабить; вы можете стать наемником, батраком, работодателем и держателем агентства, которое берет деньги и с тех и с других, – но вы ничего не значите, если у вас нет Скважины. А если у вас есть не просто скважина, а Девятая, то что вам этот мир... В этом случае вам остается подумать только о Девяности Девятой. Но ни в коем случае не думайте о Девяности Девятой. Некоторые и не думают. Потому что не верят, что такая скважина может существовать. Но в глубине души, конечно, верят, как и любой старатель. Верить можно. Но думать о ней нельзя. Потому что...

Впрочем, Биш уже засыпал.

ГЛАВА 3

На начальной стадии появляется нервозность, расстройство сна, потеря аппетита, быстрая утомляемость. В дальнейшем ослабевает иммунитет, возникают хронические заболевания. В особо тяжелых случаях возможен летальный исход.

Адам Смит шел. Он не мог бежать, – это бы привлекло внимание. С другой стороны, торопливый шаг дается не многим. У большинства начинают заплетаться ноги, они привлекают внимание окружающих (не дай Бог Эскадрона!). Они стыдятся собственной неловкости. Только спецагентам спецслужб в кино это удастся. Остальные униженно ныряют в паутину переулков, которые совершенно внезапно оказываются опасными. Никого не было, и вдруг маленький, заброшенный уголок вселенной становится оживленным. Ну что тут поделаешь? Прятаться в тени деревьев? Прикинуться пьяным, влюбленным, слиться с толпой? Как это сделать практически? Адам Смит не знал.

Город был по-утреннему равнодушным. Каждый спешил по своим делам, и Адама Смита никто не замечал. Но он понимал, что это только кажущаяся защищенность. На самом деле рано или поздно он начнет привлекать внимание. Именно тем, что не идет ни по каким делам. Сначала это будут недоуменные взгляды, брошенные мельком, затем взгляды неодобрительные, потом настороженные и, в конце концов, цепкие взгляды патруля Эскадрона. Они никогда не ошибаются. Их невозможно подкупить или разжалобить. Андроиду не нужны деньги и неведома жалость. В их шлемы встроены физиоидентификаторы – полиграфы последнего поколения. Они фиксируют малейшие физиологические изменения в человеке, смену ритма дыхания, учащенное сердцебиение, расширение сосудов, потоотделение, сокращение мышц. Из их очков, словно щупальца, тянутся к любому подозрительному прохожему эхолоты четырех видов излучений. Они отражаются от пешехода и несутся к супермозгу, который делает мгновенный анализ (пять миллиардов операций в секунду). Кроме того, андроиды Эскадрона – самообучающиеся системы. В их памяти остается все, что они видят, слышат и ощущают. Они ничего не забывают. И это самое ужасное – ничего не забывать.

Смит задержался возле витрины оружейного магазина. Охотничьи винтовки с оптическими прицелами и мониторами идентификации дичи, новенькие, блестящие с ухмыляющимися спусковыми крючками лежали стройными рядами. Он пожалел, что вовремя не обзавелся охотничьим билетом. Винтовка в его положении была бы не лишней. Особенно вот этот укороченный вариант, который легко спрятать под плащом. Рядом с ним остановились двое молодых людей. Смит вздрогнул. Они? Парни не обращали на него никакого внимания. Один из них, долговязый, с загорелым, обветренным лицом ткнул пальцем в пуленепробиваемое стекло:

– У меня такая же. Только предыдущая модель.

– Трой, если бы ты знал, как я тебе завидую. Но боюсь, – он шумно вздохнул, – старик меня не отпустит.

Трой вздохнул в ответ:

– Ну, не знаю. Если честно, я чувствую себя после отпуска словно выжатый лимон. Никак не могу настроиться на рабочий ритм.

– После отпуска всегда так.

Их взгляды еще несколько раз скользнули по винтовкам, а затем оба прохожих продолжили путь. Смит не мог даже представить себе состояние выжатого лимона. Энергия бурлила в нем, как лава в кратере вулкана. Он немного еще постоял, а затем двинулся дальше. Без цели и плана. Он интуитивно понимал, что такое поведение даст ему возможность скрыться, – когда у тебя нет плана, его невозможно просчитать. И преследователям, и ему придется уповать на случай, а это уравнивает шансы.

Андроид сержант Рекард сканировал внимательными глазами толпу. Ему было неприятно наблюдать за ней. Хаотичная, безмозглая, совершающая массу ненужных, неуклюжих движений, оставляющая за собой уродливый шлейф мусора: обслюнявленные окурки, фантики от шоколадок, использованные билеты, смятые банки из-под напитков; галдящая, сопящая, задыхающаяся от выхлопных газов толпа. Толпа, не способная на точный анализ, доверяющая инстинктам, неправильно питающаяся, врущая, убивающая сама себя. Если бы у андроидов существовали эмоции, эту совокупность выводов можно было бы назвать презрением.

В поле зрения сержанта Рекарда попал Адам Смит. На внутреннем дисплее вспыхнула информация: «Адам Смит». Тридцать лет. Корпорация «Восточная энергетическая компания». Офис 419. Следует в обратном от места работы направлении». Почему он не идет на работу? В супермозге мгновенно прокрутились несколько десятков вариантов, ни один из которых не удовлетворил подозрительность Рекарда. Отпуск Смит давно использовал, отгулов у него не было. Может быть, он заболел и направляется к врачу? Но сканирование не выявило никаких признаков заболевания, по крайней мере поверхностных. Зато оно зарегистрировало признаки повышенного содержания адреналина. Этот тип был очень взволнован. Очень. И, вполне вероятно, он чего-то боится. Или кого-то. Проверить.

Рекард вырос перед Смитом внезапно. Его рука с электродубинкой была поднята вверх. Смит вздрогнул, а затем мгновенно расслабился. Черный Эскадрон. Наверное, им уже поступили сведения о человеке, сорвавшемся с крыши его дома. Чтож, он расскажет им все. Пусть они займутся его преследователями. Смит ожидал, что после этих нехитрых размышлений ощущение тревоги покинет его. Но не тут-то было. Оно усилилось. А что если охотники наняли Эскадрон? Ведь он до сих пор понятия не имел, что являлось причиной охоты. Тревога не покинула Смита, но его покинул страх. Он чувствовал себя очень уверенно. Это странное сочетание тревоги и уверенности бодрило его. Ладони покалывало, под ложечкой сосало от нетерпения, ожидания *чего-то*. Он кивнул сержанту. Сержант опустил руку. Над ними мгновенно завис флайер, обдав Смита потоками горячего воздуха. Звякнул трап, выскользнувший из флайера, как язык из собачьей пасти. Смит быстро полез вверх. Рекард проводил его взглядом. Слишком легко согласился этот Смит. Значит, боится кого-то и надеется, что Эскадрон защитит. Рекард одним прыжком запрыгнул во флайер. Беспилотная машина сделала резкий вираж, вызвав у Смита мгновенный приступ тошноты и головокружения.

Полицейский участок находилась рядом. Весь полет занял не больше минуты. Затем резкое, головокружительное снижение.

Его провели по длинному коридору, безликому, как безлунная ночь. Ввели в такой же кабинет. Рекард пододвинул ему стул и сел за стол напротив. Положил перед собой компактный протокольник.

– Мистер Смит?

– Да.

– Вы хотите сделать заявление?

– С чего вы решили?

Стул был неудобным, он создавал ощущение дискомфорта. На нем хотелось ерзать. Адам удерживал себя от этого огромным усилием воли. Ерзающий на стуле человек не вызывает доверия.

Рекард окинул его тяжелым взглядом. Смит знал, что от андроида не ускользнет даже самое маленькое движение любого мускула его лица.

– Мне казалось, что вы хотите сделать заявление.

– Да, сержант, вы совершенно правы, – Смит улыбнулся и опустил плечи в попытке расслабиться.

– Я вас слушаю.

Палец андроида полицейского лег на кнопку записи. Адам набрал в легкие воздуха. Они - андроиды, они не берут взятку, у них нет эмоций, они никому не служат – только охране общественного порядка. Так их запрограммировали, так решили проблему коррупции. Все будет хорошо, все будет нормально.

Не будет!!!

Смит мотнул головой. Хватит на сегодня паранойи.

– Произошло убийство, сержант...

– Рекард. Вы хотите сказать, что стали свидетелем убийства?

Смит кивнул. Именно это он и хотел сказать. Не совсем, конечно. Но... В тонкостях потом будут разбираться адвокаты, а ему нужно разобраться в том, кто такие *они* и за что *они* его преследуют. Пустота кабинета давила на него, как давит на человека любая пустота. Совершенно голые стены, из мебели – только массивный, опечатанный допотопной сургучной печатью сейф, стоящий в углу. На столе – ничего, кроме черного протокольника. Со стороны посетителей стол был замызган и исцарапан, со стороны андроида девственно чист. Одностороннее стекло окна удручало идеальной прозрачностью. Отсутствие занавесок делало его похожим на глаз без века.

– Да.

– Я вас слушаю.

Бесстрастный голос. Смит невольно поежился.

– Мне кажется, что это убийство. Человек упал с крыши десятиэтажного дома.

– Вы думаете, что его толкнули?

– Да.

Рекард насторожился. Датчики, вмонтированные в стул, на котором сидел Смит, показывали, что он абсолютно спокоен. Его собственные сканеры не фиксировали никаких физиологических возмущений, которые могли бы свидетельствовать о том, что допрашиваемый врал. Но эти данные никак не состыковывались с информацией, полученной Рекардом при задержании. Тогда объект был явно взволнован, а сейчас он абсолютно спокоен. Хладнокровен, так, кажется, называют это состояние люди. И было что-то еще. Данные были настолько микроскопическими, что не позволяли сделать определенного вывода. Но Рекард знал – перед ним не обычный представитель рода *Homo sapiens*. А уж он-то повидал маньяков, убийц и мошенников, чьи психофизические параметры значительно отличались от параметров обычных обывателей. На секунду у него мелькнуло подозрение, что перед ним и не человек вовсе. Что-то не так. Нужно действовать просто. Он послал электромагнитный импульс к встроенному в стул устройству. Смит практически не ощутил легкий укол в правую половинку сидалища. Легкий психотропный препарат, вырвавшись на свободу из стеклянной микроампулы, устремился по венам Смита. Он ослабит его волю и подтолкнет сознание к искренности. Это не вполне юридически обоснованно. Адвокат может настоять на тестировании, и когда в крови Смита будет обнаружен препарат Е-17, возникнут проблемы. Но к тому времени Рекард расколлет Адама Смита. К тому же адвокаты глупы. Им и в голову не придет, что андроид, биологическая машина, питающаяся, грубо говоря, от розетки, способна отклониться от процессуальной процедуры.

– Это вы толкнули его, мистер Смит?

– Да.

Андроид едва заметно вздрогнул. Такого ответа он не ожидал. В его мозгу был только один вывод: препарат не мог подействовать так быстро, а значит, Смит догадался о том, что ему вкололи Е-17. Но как!? Снова мелькнула дикая мысль, что перед ним не человек.

– Вы сознаетесь в убийстве, мистер Смит?

– Это была самооборона. Человек угрожал мне пистолетом. И у него было еще трое сообщников, которые преследовали меня.

– С какой целью?

Протокольник тихо жужжал, удовлетворенно поглощая информацию. Его индикаторы радостно перемигивались.

– Я... не могу сказать определенно. Но один из них пытался прострелить мне колено, чтобы захватить меня и переправить заказчику. Насколько я понял, это были Охотники.

– Охотники? Вы имеете в виду синдикат наемных убийц и похитителей? Они вне закона, мистер Смит. Само их существование довольно сомнительно. Четыре года назад мы арестовали последнего Охотника. Вы уверены, что ничего не путаете?

Смит ни в чем уверен не был, и датчики это отметили.

– Где это произошло? – не дождавшись ответа, спросил андроид.

– Двадцать восьмая улица, дом 19Б.

Рекард приложил руку к уху.

– Справочный отдел. Двадцать восьмая, 19Б. Человек упал с крыши. Сегодня... (Смиту) Когда?

– Около восьми утра.

– Около восьми утра.

Некоторое время Рекард молча слушал, а потом встал.

– Мистер Смит, вам придется немного подождать, мне нужно кое-что уточнить.

Андроид по безупречной траектории пересек кабинет и вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Что ему нужно уточнять, тем более, лично? Они же связаны друг с другом и со всеми базами данных? Смиту снова захотелось поерзать на стуле. Он исподлобья оглядел комнату в поисках камер слежения. Напрасный труд. Они замаскированы надежно. Например, окно. Кто даст гарантию, что это обычное одностороннее окно, выходящее на улицу? Может, пейзаж за ним – всего лишь трансляция или запись? Все равно они должны разобраться. Андроидов невозможно подкупить, разжалобить или обмануть. И они никогда не ошибаются. Во всяком случае он здесь в безопасности.

Раздался легкий щелчок. Из раскрывшихся в стуле пазухов вылетели сверкающие цепочки наручников. Наручники метнулись к запястьям Смита. Он удивленно посмотрел на свои руки. Наручники остановились в сантиметре от них и застыли, раскрыв свои муравьиные челюсти. Немного подрожав, они с сожалением скользнули обратно в пазухи. Снова легкий щелчок.

Они хотят арестовать тебя!

Главный недостаток внутреннего голоса состоит в том, что ему нельзя набить морду. Смит подавил желание вскочить и броситься прочь. Вряд ли ему удастся покинуть здание, полное охранных приспособлений и андроидов, которые сами по себе являлись уникальными охранными устройствами. В этот момент в кабинет вошел Рекард. Он сел за стол и улыбнулся дежурной улыбкой Смиту. Адам поймал себя на мысли, что с удовольствием расстрелял бы программиста, который придумал вежливо улыбающегося андроида.

Рекард, не отрываясь, смотрел на запястья Смита. Наручников не было. Но они должны были быть. Мозг не делал никаких выводов. Сбой в системе? Утренний техосмотр показал, что все в норме. Тогда что же это? Что, черт возьми, происходит? Он андроид? Нелегально изготовленный андроид. Но психофизические показатели абсолютно человеческие, с небольшими, но вполне допустимыми отклонениями. Если это андроид, то он такого высокого класса, что ему невозможно с ним тягаться. Если бы Рекард мог, он покрылся бы испариной. Он не стал

посылать вызов подмоги. Кто его знает, этого Смита, вполне возможно, что он способен перехватывать и декодировать любые передачи.

Рекард подключился к системе стула. Быстро отсканировал ее. Сбой! Это сбой. Небольшое замыкание. Все нормально. Он разгрузил свою энергосистему, чтобы снять напряжение. Так недалеко и до собственного сбоя. Причину замыкания выяснят техники, а он пока займется мистером Смитом. Сверхандроидов не существует.

– Мистер Смит, ваша медицинская карта говорит, что вы нормальный человек, но это не значит, что вы не сошли с ума сегодня утром.

Человеческие организмы такие хрупкие, а психика совершенно ненадежна. Как они вообще могут выживать в этом мире?

– Что вы имеете в виду, мистер Рекард? Не знал, что оскорбления входят в круг ваших обязанностей.

– Прощу прощения, мистер Смит, – снова отвратительная, застывшая улыбка, – но не заметили ли вы сегодня утром что-либо странное в своем самочувствии? Не принимали ли вы каких-либо стимулирующих препаратов?

Желтый пузырек. Успокоительное.

– Да. Успокоительное. Я плохо спал.

Все сходится.

– Его прописал вам врач? У него есть побочные эффекты?

– Нет. Я никогда до этого не пользовался этим лекарством, но на него и рецепт-то не нужен. А в чем, собственно, дело?

– А дело в том, мистер Смит, что на двадцать восьмой сегодня утром никто с крыши не падал. У нас трое свидетелей – рабочих, роющих траншею для смены силового кабеля. Они безотлучно находились по указанному адресу все утро. И до сих пор еще там. Никто не падал. Согласитесь, все это выглядит странно...

– Это они!

– Кто «они»?

– Охотники! И их было четверо. Они убили консьержа.

– Консьерж на месте, мистер Смит. Мы осмотрели и вашу квартиру. Там нет следов присутствия никого, кроме вас. Мистер Смит, но есть кое-что другое. Я вынужден предъявить вам обвинение.

Смит попытался встать.

– Сидеть!

Андроид вскинул указательный палец и направил его Смицу прямо в лицо. Адам знал, что в любое мгновение из подушечки, лишенной папиллярного узора, в любое мгновение может вырваться лазерный луч, способный разрезать его пополам. Он медленно опустился на стул.

– Первая энергетическая компания обвиняет вас в промышленном шпионаже.

– Причем здесь Первая энергетическая? Я работаю в Восточной. Если бы я передавал их секреты Первой...

– Они считают, – не обращая внимания на его слова, продолжал Рекард, – что вам удалось похитить очень важную коммерческую информацию и передать ее своему руководству из Восточной энергетической компании.

– Бред...

– Встать.

Смит встал, механически отметив про себя, что Рекард не распечатал протокол, который согласно процедуре Адам должен был подписать.

Они кутили их!

Андроида невозможно купить. Может, все это галлюцинация? Просроченное успокоительное способно творить чудеса. И снова теплая волна.

Бежать!

– Я хочу вызвать адвоката.

Рекард посмотрел на него с холодным равнодушием и ничего не ответил, только кивнул, приглашая на выход. Смит встал, размял затекшие от сидения ноги и бросился к окну.

– Стоять!

Смит остановился. Андроид застыл, направив указательный палец ему между лопаток.

– Это бронированное стекло, мистер Смит, его невозможно разбить. По крайней мере, человеку.

И в этот момент стекло рухнуло, осыпавшись тысячами мелких осколков. Оно рухнуло так, словно устало, словно ему все надоело, словно оно давно хотело полежать на прохладном полу. В кабинет ворвался шум улицы и настоящий, живой солнечный свет. Андроид даже на мгновение ослеп и оглох. Он отчетливо понимал, что этого секундного замешательства Смиту хватит, чтобы выпрыгнуть на улицу. Он ждал этого прыжка и был готов последовать за подозреваемым хоть на край света. Но Смит не прыгнул, а пошел к окну обычной походкой.

– Стоять! – закричал андроид, но Смит не отреагировал на крик, который мог парализовать кого угодно. И тогда Рекард выстрелил.

В программу андроидов входили суррогаты страха и боли. Страх – основа инстинкта самосохранения. Необходимое условие в борьбе с уличной преступностью. Боль – так же часть инстинкта самосохранения. До этого момента Рекарду не приходилось испытывать ни того, ни другого. Он всегда был умнее и быстрее человеческих существ. Но теперь он ощутил и страх, и боль по полной программе. Он с ужасом смотрел на то, как плавится его палец. Поэтому он не видел, как Смит осторожно, чтобы не пораниться об осколки, перелез через подоконник и скрылся в толпе. Боль была настолько непереносимой, что система, отвечающая за самосохранение, отключила его мозг. Когда коллеги Рекарда вбежали в кабинет, они увидели его застывшим в центре комнаты. С расплавленного пальца срывались на пол крупные, раскаленные капли.

ГЛАВА 4

Кого ни спросишь, ты что, заболел? Нет, просто устал. Кругом сплошная усталость. Что же это за напасть такая?

– Он спятил, – мрачно констатировал Морган, глядя через одностороннее стекло на улыбающегося Охотника. Старший, развалившись в кресле, с интересом читал комиксы о Роботе Чуке. Его лицо поражало своей неестественной безмятежностью.

Стерн погладил выбритый до синевы подбородок. Кожа на щеке сложилась гармошкой.

– Хуч – профессионал высшего класса. Его даже наши доблестные полицейские-андроиды вычислить не смогли. Он что-то скрывает, я это чувствую.

– Да ты посмотри на него, он похож на человека, которому нравится слушать, как гудит трансформатор, – не унимался Морган.

Морган похлопал себя по карманам, достал смятую пачку (все его пачки всегда были смятыми), вынул сигарету, задумчиво сунул ее в рот и сжал зубами кончик фильтра. Прикурить, как всегда забыл. Стерн, прекрасно зная привычки своего заместителя, не глядя, щелкнул у него под носом зажигалкой. Морган затянулся и, также не глядя, благодарно кивнул.

– Нет, он спятил. Там случилось что-то такое, что заставило его спятить. Я тебе точно говорю. И что значит «у него нет категории»? У них у всех есть категория. Он просто не смог ее определить. А, скорее всего, просто не успел.

– Может быть, ты и прав. Я должен поговорить с ним.

Стерн вышел из комнаты, оставив Моргана пускать дым в одностороннее стекло.

Через несколько мгновений Морган увидел своего шефа, входящим в комнату к Охотнику.

Стерн сел напротив Хуча, соображая, с чего начать. Охотник с сожалением отложил в сторону комикс, в котором Робот Чук лихо и весело расправлялся с кроликом-мутантом Соргом, пытавшимся превратить всех жителей Земли в овощи.

– Вы думаете, что я спятил? – спросил он Стерна.

– Нет, Хуч, я думаю, что ты что-то скрываешь. Прошли те времена, когда у Охотников был кодекс чести и дичь не могла их перекупить ни при каких обстоятельствах.

– Одно обстоятельство было. Если Охотник узнавал, что заказчик планирует зачистить его после операции, тогда он становился свободным ото всех обязательств.

Хуч улыбнулся. Беззлобно и обезоруживающе.

– Я хочу завязать, Стерн. Нервы ни к черту. Наверное, я действительно спятил.

Стерн снова потер подбородок.

– Я тебя понимаю. Это очень легко – сказать: я спятил, я ухожу. Мы заказали тебе Смита, и ты обязан выполнить заказ. У нас контракт.

Улыбка занимала уже все лицо Охотника.

– Да плевать я хотел на ваш контракт. Можешь забрать аванс и отдать его Боргу.

Стерн помрачнел. Брови поползли навстречу друг другу, как дуэлянты после команды «Сходитесь!»

– Ты не спятил, Хуч.

– Что ты от меня хочешь? Погиб мой человек. Он просто швырнул его с десятого этажа. Сначала мы соскребали его мозги с асфальта, потом переписывали информацию на чашках контроля. На это ушел весь твой аванс. Я такого никогда не видел, Стерн. Никогда!

– Какая у него категория?

Хуч устало вздохнул:

– Я тебе уже говорил: нет у него категории.

– Так не бывает. Что он сделал?

– Остановил пулю.

По лицу Хуча пробежала отвратительная судорога. Все его тело мгновенно перекошило, как во время приступа эпилепсии, затем он снова расслабился. Стерн изумленно вздрогнул.

– Что?! Ты бредишь?

– Вы правы, я спятил, – Хуч снова улыбнулся.

Стерн встал и стал прохаживаться вдоль стола.

– Это невозможно, – сказал он сам себе, – это просто невозможно.

Его размышления прервало короткое звяканье. Стерн оглянулся и посмотрел на улыбающегося Хуча, потом его взгляд упал на стол. На столе медленно вращалась пуля. Ее мутное отражение крутилось вслед за ней в глубине полировки.

– Что это?

– Это? Это пуля. Та самая пуля, которой я хотел прострелить ему ногу. На всякий случай, чтобы не было проблем. А проблемы я почувствовал сразу, как только выяснилось, что Смита нет дома. Сначала я подумал, что его предупредили...

Стерн, не слушая, осторожно, словно боясь обжечься, взял пулю и поднес ее к глазам. Целехонькая.

– Ты уверен, что это та самая пуля? Ты уверен, что вообще стрелял? Это не могла быть галлюцинация? Восьмые обладают мощными гипнотическими способностями. Может, он Восьмой?

Охотник иронично оглядел Стерна:

– По-моему, это ты спятил, Стерн. То, что у тебя в руке, похоже на галлюцинацию?
Стерн тупо посмотрел на пулю.

– Твой пистолет, Хуч.

Охотник откинул полу пиджака, вынул из кобуры длинноствольный пистолет и небрежно положил его на стол. Раздался тяжелый, глухой, угрожающий стук. Стерн кивнул невидимому за односторонним стеклом Моргану. Морган тут же вошел в комнату.

– Отнеси пистолет и пулю на экспертизу. Пусть сделают экспресс-анализ немедленно.

Морган молча взял оружие и пулю и вышел.

– Хорошо, – сказал Стерн, снова усаживаясь на стул, – предположим, он остановил пулю.

– Как я теперь вспоминаю, не только пулю. Пуля просто выбила меня из колеи. Я всегда считал, что мой пистолет надежная защита ото всех категорий, но тут...

– Не отвлекайся, что еще?

Хуч пожал плечами:

– Про то, что он успел скрыться, я тебе говорил.

– Это не могло быть случайностью?

– Нет, – в голосе Охотника появилось раздражение, – он ушел через крышу.

– Может быть, его действительно предупредили?

– Может быть, – нехотя протянул Хуч. – Как я не люблю эти «может быть»! С другой стороны, это ваши проблемы. Придется вам поломать голову, откуда Крысы могли узнать о нем и как им так оперативно удалось его предупредить.

– Это могли быть не Крысы, а какой-нибудь Жучок. Жучок-жучила... Да-а, есть что написать в отчете.

В это время в комнату снова вошел Морган. Он протянул Хучу пистолет.

– Эксперты говорят, что эта пуля была выпущена из этого пистолета сегодня утром. Все точно. И она никуда не попадала. Целехонькая.

Морган с интересом посмотрел на Хуча. Хуч нервно усмехнулся Стерну:

– А ты говоришь, галлюцинация. Он не Восьмой. Мне приходилось сталкиваться с Восьмыми. Ни один даже самый развосьмой не сможет среагировать на пулю. Никто не может!

Стерн сделал знак Моргану, и тот вышел.

– Что еще?

– А еще бур.

– А что бур?

– Бур, который был нашим прикрытием. Так вот, он остановился. Просто остановился. Короткое замыкание. Такое впечатление, что этот парень господин Бог. Мне просто интересно, а может он остановить планету? Или заставить погаснуть солнце?

– Спокойно, Хуч, спокойно. Возможно, это новая категория. Но это ничего не меняет. Я помню, как все стояли на ушах, когда обнаружили Третью. Всего лишь Третью. Знаешь, чему я рад? Тому, что ты вернулся.

– В каком смысле?

– Ты бы видел себя сегодня утром. Морган до сих пор думает, что у тебя крыша съехала.

И эти комиксы...

Стерн брезгливо отодвинул от себя тонкую книжицу.

– Я-то лично думал, что ты нас дурачишь.

– Да-а, отпустило немного. Если честно, я сам был уверен, что спятил.

– Ты должен взять его, Хуч, особенно теперь, когда стало ясно, что это что-то новенькое.

В конце концов, судя по твоим словам, он не знает, что у него есть категория. Он ничего про себя не знает. Он сейчас как слепой. Плюс ко всему напуган. Он не знает, кто за ним охотится и зачем он нужен. Скорее всего, пси-способности проявились случайно. В момент опасности чувства обостряются. Даже обычный человек способен на многое. Нужно действовать акку-

ратно. Установить с ним надежный контакт, войти в доверие, пообещать помощь. В квартиру он вряд ли вернется. Так что у него проблема с ночлегом. Раз. Он вынужден был спешно покинуть дом. Значит, у него проблема с деньгами – два. Он в панике. Три. Ты возьмешь его, Хуч. Я, конечно, не специалист, но предложил бы тебе вариант с французской вербовкой. У тебя же есть девушки, которым невозможно отказать?

Хуч не ответил. Он сцепил пальцы и уставился на побелевшие костяшки.

– Ху-уч, – помахал у него перед глазами рукой Стерн.

Хуч поднял на него усталые глаза. От былой радостной безмятежности не осталось никакого следа. Перед Стерном снова сидел безжалостный Охотник. Охотник, от которого не смог бы скрыться даже человек-невидимка.

– Я хочу разорвать контракт, Стерн.

– Не шути.

– Я не шучу. Я хочу разорвать контракт в связи с возникшими обстоятельствами неодолимой силы.

– Любую силу можно одолеть.

– Ты меня не понял. Я хочу разорвать контракт и подписать новый. Когда мы заключали соглашение, речь не шла о псионике вне категорий.

– Это справедливо, – медленно кивнул Стерн.

Выбритый до синевы подбородок подплыл к красному галстуку, наткнулся на невидимую преграду и пополз вверх. – Сумма будет увеличена вдвое.

– Вчетверо. Я предвижу потери. Одного уже нет. А скольких еще не будет?

– Хорошо. Я думаю, мы сможем уладить этот вопрос.

– Да уж уладьте, будьте добры. И еще, я тут краем ухом слышал, что вы можете обеспечить крышу у андроидов. Неплохо было бы заручиться поддержкой полиции. Человека, который объявлен в розыск, искать легче.

Стерн внимательно посмотрел на Хуча.

– Или ты все-таки спятил? – с сомнением заметил он. – Андроиды не продаются, ты же знаешь.

– Брось прикидываться Стерн. Вы каким-то образом нашли к ним подход. Они же почти как люди. Нужно только отыскать, где у них кнопка. Я не знаю, как вам это удалось, хотя предположения у меня есть.

Хуч взял со стола пистолет и сунул его в кобуру тем быстрым и неуловим движением, каким мангуст хватается кобру за шиворот. Был пистолет, и его уже нет.

– Интересно было бы послушать.

Хуч расправил затекшие плечи:

– Андроидов подкупить невозможно. Но программы к ним составляют люди.

– Нет, Хуч, ты точно спятил. Это же федеральный проект. Его проверяют двести разных инстанций. Проходят открытые, общественные испытания, на которых имеет право присутствовать любой гражданин. Ты обвиняешь нас в заговоре против государства?

– Я никого ни в чем не обвиняю. Но андроидов делают люди. А люди это люди. Они, знаешь ли, не андроиды.

– Тут не поспоришь. Но ты слишком высокого о нас мнения. Мы можем многое, но не все. Крыша андроидов! Ты меня насмешил.

– Что-то ты не очень веселый. Ладно, может, мне и наврали. Готовь новый контракт.

Хуч встал. Одновременно с ним поднялся и Стерн. Они молча пожали друг другу руки. Стерн улыбнулся:

– Хуч, если вы убьете его, случайно или по злему умыслу, я живо сниму с тебя шкуру. Мы накачаем тебя обезболивающим и снимем кожу. Миллиметр за миллиметром. А ты будешь на это смотреть. Потом действие обезболивающего кончится.

– Если поймаете.

– Поймаем. Борг поймает. Иди, Хуч, у тебя мало времени. У парня уже появилась фора. Скорее всего, он уже за пределами Бурга.

Хуч обошел стол и направился к двери.

– Он еще здесь, я чувствую.

– Чувствуешь? А у тебя у самого случайно нет категории?

Охотник остановился, замерев в дверном проеме, но оборачиваться не стал. Он не любил, когда собеседник видел его глаза.

– У нас у всех есть категория. Скажи мне, Стерн, а почему вы не взяли его сами?

Стерн не ответил.

– Я тебе скажу почему. Вы знали. Вы все знали с самого начала. Но меня не предупредили. Мой человек погиб. Я чуть не сошел с ума. Это очень неправильно, Стерн. Очень неправильно.

В следующее мгновение Охотник исчез в коридоре.

Стерн подошел к стене и нажал на едва различимое пятно. Из стены бесшумно выскользнул мини-бар, призывно распахнув дверцы. Стерн достал стакан и плеснул себе виски. Звякнул лед. Но выпить он не успел. За спиной кто-то стоял. Хуч? Стерн резко развернулся.

– Нервный выдался денек, плесни-ка и мне.

Это был Морган. Стерн молча наполнил стакан и протянул его своему заместителю. Морган отхлебнул.

– Почему они нас не предупредили? – спросил он.

– Нас взяли на работу потому, что мы умеем мыслить самостоятельно. Если нанимаются Охотники, значит, дело пахнет керосином. Значит, мы не потянем. Предполагается, что выводы должны делать мы сами.

Морган задумчиво потягивал виски. Наконец, оторвавшись от стакана, он взглянул Стерну прямо в глаза.

– А ведь дело действительно пахнет керосином. Останавливать пули... Это что-то новенькое. Не нравится мне это. Нам платят за то, чтобы мы находили псионика, а ловят его пусть другие. Этот Хуч опасная скотина. И он очень недоволен. Когда он проходил мимо меня по коридору, клянусь, я думал, он меня сейчас застрелит, прямо здесь в нашем здании. И ведь ни один из наших толстых потных секьюрити не смог бы его остановить. Он бы спокойно вышел и отправился в ближайший Дом Отдыха. Так, расслабиться после очередного убийства.

– Да, Хуч недоволен. Но я подписал с ним новый контракт. Вознаграждение учетверяется.

Морган тихо присвистнул.

– Дела... У меня такое впечатление, что они его не поймают.

– Поймают. Андроиды помогут.

– Андроиды? Ты же сказал...

– Я много чего говорю. Идет большая игра, Морган. Очень большая. И если мы его упустим, его возьмут другие. И вот тогда боссы шкуру спустят с нас. Да так быстро, что мы не успеем натешиться с Хучем. Он знает это, ублюдок, поэтому так спокоен. Так что на всякий случай займись приготовлением отходного варианта. Нам понадобятся чистые документы, подкрепленные информацией в глобальной базе данных, наличность... С наших счетов ничего не снимай, это может вызвать подозрения. Просто перемести наш тайник в более надежное место. Каждый день через Гора покупай билеты на пригородные поезда. Каждый день! Никаких самолетов и поездов. Только старые добрые пригородные поезда. Время в пути не более часа. Ты даже не представляешь, как далеко и незаметно можно уехать на пригородных поездах. Пересадка за пересадкой...

– Господи, во что мы вляпались?!

– Надо было учиться на стоматолога, не было бы проблем.

– Может, еще по одной? – кивнул Морган на пустой стакан, в котором расплывались остатки льда.

– Остынь. Нам понадобятся свежие головы. Если Хуч будет придерживаться моего плана, то мы, даст Бог, возьмем его без проблем, и все обойдется. Может, мы просто накручиваем сами себя. С другой стороны, без этого в нашем деле нельзя.

– Взять-то мы его возьмем... Хуч – лучший. Но сумеем ли мы его удержать.

– Не думаю, что это проблема. Проблема – взять. Ты не знаешь главного Морган. Смит сегодня утром ушел из полицейского участка, ранив сержанта.

– Андроида?!

– А кого же еще? Андроида. Непогрешимого и неопибающегося. Что он с ним сделал, они и сами толком не знают. Такие дела.

– Он ушел из участка?!

– Представь себе.

– Не могу. Не могу я себе этого представить. Он останавливает пули, ломает на расстоянии буровую установку и в одиночку расправляется с андроидом. Да кто он такой, черт возьми?! Не человек – это точно. Пожалуй, домой я сегодня не пойду.

– Выспись, Морган, завтра день будет еще тяжелее.

– Нет, я немедленно приступаю к обеспечению отходного плана. К чертовой матери! Все к чертовой матери. Мы его не возьмем.

– Возьмем.

ГЛАВА 5

Самое удивительное, что все это возникает у вполне здорового, не обремененного вредными привычками человека, имеющего возможность создать для себя материально комфортные условия.

Вскочив в такси, Смит, не задумываясь, назвал адрес пригорода на противоположном конце города. Такси нырнуло в общий поток, перескочив сразу на второй, самый оживленный, уровень трассы. Оглянувшись, Смит увидел андроидов, которые, сверкая красно-синей полицейской формой и черными восьмиугольными фуражками, выбегали из участка, вращая головами на триста шестьдесят градусов. Они не успели заметить, в какое такси он сел.

Нужно действовать быстро. Иначе его могут засечь. Существуют тысячи способов отыскать человека в многомиллионном мегаполисе: телефон, единая электронная система расчетов, родственники, друзья, знакомые, прохожие с отличной памятью на лица – добрые самаритяне, общественный транспорт; любые места, где существует пропускной режим, а вам туда необходимо войти, наконец обычная проверка документов. И – самое главное – чашки контроля. Они записывают все, что происходит в радиусе их действия. Сведения немедленно в режиме он-лайн передаются в Центральную базу данных и там обрабатываются. Достаточно ввести его изображение и сведения о нем в базу данных, и она начнет выдавать в хронологической последовательности маршрут его передвижений. Поэтому – немедленно в пригород. Там чашки контроля расположены не так часто и попадаются мертвые зоны, не доступные их всевидящему оку. Но сначала нужно решить вопрос с деньгами. Для того чтобы надежно скрыться, нужны деньги. Чем незаметнее ты хочешь стать, тем больше денег понадобится. Наличные деньги остались дома. Значит, доступны только электронные. Он покосился на тыльную сторону кисти, куда с самого рождения каждому гражданину вшивался индивидуальный микрочип. В нем содержались все сведения о нем, а также его расчетный счет, с помощью него он мог осуществлять безналичные платежи. Смит быстро приложил руку к панели оплаты и сразу же приказал такси-автомату остановиться у ближайшего банкомата. Такси активизировало тормоз, шумно выдохнув в воздух четыре белых струи.

Возле уличного банкомата никого не было. Смит огляделся по сторонам и приказал такси следовать по маршруту. Автомат не удивился, что пассажир сам не последовал дальше, – проезд оплачен.

Смит прижал тыльную сторону кисти к красной кнопке выдачи. Загорелась надпись: «Наберите сумму». Смит быстро защелкал по клавишам: «Закрывать счет». Банкомат начал выплевывать деньги. Из его правого бока предусмотрительно выполз пакет. Смит стал забрасывать в него новенькие, спрессованные пачки денег. Ухо резанул предупредительный писк. Он, теряя буквы, пробежал глазами по строчкам на дисплее. Банкомат не мог закрыть счет полностью, – не хватало наличных. Далее следовал адрес ближайшего банкомата. Ну и черт с ним. Смит уже хотел ловить новое такси, когда вновь услышал писк. Он глянул на дисплей и замер. «Мистер Смит, вам следует немедленно явиться в ближайший полицейский участок».

Итак, полиция начала охоту, самое меньшее через минуту здесь будет патрульная машина. Смит заметил, как из близстоящего дома вышел человек с дорожной сумкой через плечо. Из нее торчали клюшки для гольфа и теннисная ракетка. Мужчина лет сорока пяти явно собирался на отдых. Скорее всего, в Кортфилдз. Мужчина был одет в легкомысленную рубашку, которая корчила рожицы при каждом движении его крупного тела. На голове – панамы, неуместная в центре города посреди рабочего дня. Мужчина подошел к припаркованной возле дома машине. Смит подбежал к нему, изображая очень спешащего человека.

– Эй, приятель! – крикнул он, стараясь улыбаться как можно обаятельней. – Не поможешь?

Мужчина поднял на него удивленные глаза. Смит стоял перед ним растрепанный и улыбающийся:

– Ты в Кортфилдз?

Ему всегда легко и естественно удавалось переходить на «ты».

– Да, а в чем, собственно, дело?

Встреча со случайным прохожим в большом городе может оказаться последней в вашей жизни. Мужчина смотрел на Смита с холодным недоверием. В его глазах не читался страх – только недоверие, стена из бронированного стекла.

– Герц, – протянул ему руку Смит. Мужчина посмотрел на руку, точно это была жаба, неизвестно как попавшая к нему в ванну.

– Я очень спешу, – затараторил Смит, но мужчина не стал его слушать. Он только хмыкнул, пожал плечами и взялся за ручку дверцы.

– Мне нужно как раз в Кортфилдз.

– Послушай, почему бы тебе ни взять такси?

– Дело в том, что у меня только наличные, – Смит потряс перед носом мужчины свежей пачкой. – А на электронном счету ни цента. Только что оплатил закладную на дом. А эти таксиватоматы наличных не берут.

– Палп, – протянул ему руку мужчина, – садись.

Смит, бросив короткий взгляд по сторонам и пожалев, что не может вращать головой на триста шестьдесят градусов, как андроид-полицейский, забрался на заднее сиденье. Машина рванула с места, нагло протискиваясь между другими авто. Палп водил машину что надо.

Чтож, теперь его засечь будет крайне трудно. Если, конечно, Палп не состоит в обществе добровольных помощников Черного эскадрона.

Мимо пролетали темно-синие высотки, витрины магазинов, уличные торговцы, флаеры полицейских, сканирующие номера машин. Будем надеяться, что Палп добропорядочный гражданин и не находится в розыске.

– А знаешь, почему они не берут наличных? – спросил Палп, чуть качнув головой в сторону Смита. Вопрос был скорее риторическим. – Потому что так им легче за нами следить. Поэтому не берут наличных в общественном транспорте и во всех государственных учрежде-

ниях и организациях. Крупнейшим корпорациям также запрещена наличность. Они следят за нами. Улавливаешь?

Еще бы не улавливать! Уж это Смит уловил. Особенно за последние несколько часов.

– А ты знаешь, что чашки контроля находятся и в светофорах, и в твоём телевизоре, и в твоём компьютере? Компьютеры подключили, когда Сеть сделали бесплатной для всех. Они постоянно следят за нами. Они просто уверены, что мы родились преступниками и если не совершили преступление до сих пор, так только потому, что случая подходящего не было.

Господи, да он параноик. Смиту стало не по себе. А если он и в нём заподозрит агента какой-нибудь таинственной государственной спецслужбы?

– Уж я-то знаю, – продолжал Палп, обгоняя грузовой кар, выскочив при этом на мгновение на встречную полосу.

– Палп, извини за нескромный вопрос, – прервал его Смит, – а ты кем трудишься?

– Был таксистом, – охотно ответил Палп, – до тех пор, пока не ввели эти чертовы автоматы с противоаварийными радарными и гироскопами. Теперь изготавливаю эти самые такси. Федеральный проект, приятель! Так-то, Герц. Федеральный!

Смит вздрогнул, он совсем забыл, что представился Герцем.

– А я уж подумал, что ты из разведки.

Палп засмеялся.

– Нет. Просто я работаю на этих ублюдков из правительства. Иногда мне кажется, что они там все вуайеристы, любят подглядывать, подсматривать, подслушивать. И черт с ними. Мне скрывать нечего. Ты в Кортфилдз по делам или на отдых?

– По делам. У меня там клиент играет сегодня в гольф. Надо переговорить.

– Это правильно, – кивнул сам себе Палп, – телефонам доверять нельзя. Особенно если их делают федеральные предприятия. И зубным электрощёткам, кстати, тоже. Они считывают слепок зубов. Это как отпечатки пальцев. Я и очки не ношу.

– Сканируют радужную оболочку глаз, – догадался Смит.

– Точно так! – отозвался Смит, закладывая крутой вираж.

Машина вылетела из-под воздушной развязки и понеслась по широкому шоссе в сторону выезда из города.

Смит совсем перестал нервничать. Палпа никто останавливать не будет. В этом он был уверен на сто процентов.

– Брокер? – снова спросил Палп.

– Да, – легко согласился Смит. – Продаю акции Восточной энергетической.

– Вот черт! – Палп с досадой ударил руками по рулю. – Где ты раньше был! Тут один жучила посоветовал купить мне бумаги Первой энергетической. А они ползут вниз. Сегодня у них полугодовое собрание было. Эх, знать бы, что у них там с отчетом. Как ты думаешь, продавать?

– Ни в коем случае, – неожиданно для себя посоветовал Смит.

– Уверен?

– Я как раз за этим и еду к клиенту. Пусть сбрасывает Восточную и покупает Первую.

– Это хорошо. Спасибо за совет.

Впереди показался стационарный пост дорожного патруля.

– Не имеет права, – Палп словно прочитал мысли Смита, – документы проверяли вчера, правил я не нарушаю. Не имеет права тормозить, когда им вздумается.

Андройды и не думали их останавливать. Машина Палпа вырвалась за пределы города. По обеим сторонам тянулся пригород. Двухэтажные дома с маленькими садиками, собаки, велосипедисты, указатель на Кортфилдз.

– А я на отдых. В прошлом году ездил на Ибицу. Народу тьма. Приехал уставший как собака. К черту такой отдых. На Кортфилдзе сейчас не сезон. Народу мало. Найду партнера и

от души поиграю в гольф или теннис, мне все равно. Надо восстановиться. Ты не чувствуешь, как ты хиреешь?

– Есть маленько, – соврал Смит, который чувствовал необычайный подъем. Видимо, этому способствовал мощный заряд адреналина, который он получил в течение дня.

– То-то и оно. Там, где полно народу, не отдых. Выматываешься от этой суеты еще больше, чем на работе.

Снова мелькнул указатель. До Кортфилдза оставалось пять миль.

– Практически на месте.

Впереди показался огромный паркинг, за которым, собственно, и располагался Кортфилдз – парк с площадками для тенниса, гольфа, пляжного футбола, волейбола и модного ныне скретча. Над полупустым паркингом нависала огромная арка с вывеской. На арке, хищно оглядываясь по сторонам, примостилась, точно ворона, чашка контроля. Вдоль центральной дороги лениво прохаживались полицейские. У подножия арки расположились магазинчики со спортивным инвентарем. Из витрин на андроидов смотрели манекены, одетые в яркую спортивную униформу. Биопластмасса, пластик, хромированное железо, жидкие кристаллы, наносерверы, глаза из разноцветного стекла. Мертвый мир.

Палп припарковал машину на свободное место.

– Спасибо. Пока, – хлопнул его по плечу Смит и, выскочив из машины, быстро зашагал в противоположную от арки сторону. Арка служила своеобразной звенелкой. Любой андроид-полицейский сразу получал информацию о любом человеке, который через нее проходил. Смит и не собирался проходить внутрь Кортфилдза. Тем более что народу там действительно было немного, а, значит, шансы затеряться в толпе сводились практически к нулю.

Палп хлопнул дверью и поставил машину на сигнализацию. Он проводил взглядом Смита и направился к арке.

Смит быстро шагал вдоль главной дороги, по обеим сторонам которой замерли в ожидании своих владельцев автомобили. Он смутно помнил, что где-то неподалеку, дальше на север, располагался небольшой рабочий поселок Норткамп. Небольшой, но густонаселенный. Там жили сезонные рабочие. Друг друга они знали не очень, так как подолгу здесь не задерживался никто. Они работали в основном штамповщиками на заводе по изготовлению наносерверов для полицейских. *Федеральный проект, приятель!*

Кто-то тронул его за плечо. Легкое прикосновение. На миг ему показалось, что его ожгло хлыстом. Или кто-то плеснул ему за шиворот серной кислоты. Смит замер и медленно обернулся. Перед ним стоял Палп. Рядом с Палпом, держа наготове указательный палец, стоял андроид-полицейский. Глаза у Палпа были злыми, как пьяные подростки.

– Ты лажанулся, приятель! – злорадно закричал он, трепеща от предвкушения, как терьер на охоте.

– Не хотелось идти через звенелку, – спокойно ответил Смит.

– А дело не в звенелке! Ты сказал, что у тебя пуст электронный счет, но полно наличных. А рядом был банкомат. Что ж ты не пополнил счет?

– А ты, оказывается, активист общества добровольных помощников полиции?

Андроид не вмешивался в эту странную беседу. Он стоял чуть в стороне и, не отрываясь, смотрел на Смита, словно стараясь в буквальном смысле пригвоздить его к месту. Электродубинка свободно опущена вдоль тела. Краем глаза Смит уловил движение и понял, почему андроид не спешил принять участие в дискуссии.

Он ждет подмоги!

Подмоги ждал андроид, а дождался Смит. Рядом с ним на полном ходу остановился серый автомобиль шарообразной формы. «Дестер». Отличный «Дестер» последней модели.

Полностью на ручном управлении. Никаких радаров и автопилотов. Символ настоящего мужика, стремящегося лично контролировать дорогу. Дверца напротив Смита была открыта. Смит не стал раздумывать, он просто запрыгнул внутрь. Челюсть дверцы клацнула замком, и «Дестер» рванул вперед и вверх. Андроид поднял палец и тут же опустил его, подчиняясь неслышной команде.

– Стреляй! Стреляй! – в бессильной ярости кричал Палп андроиду. Тот не реагировал, видимо, занятый передачей информации по внутренней полицейской сети.

Смит выглянул в квадратное окно. Мимо пролетело небольшое облачко, значит, «Дестер» уверенно набирал высоту.

– Кто ты? – спросил водителя Адам.

Тот, оскалившись, сказал ему:

– Жмиии!!!

– Что нажать? – удивился Смит, смутно подозревая, что перед ним очередной сумасшедший.

Незнакомец оскалился еще больше:

– А просто жмиии!!!

Незнакомец был сухопарым, длинным, сутулым, как вопросительный знак. Длинный с горбинкой нос придавал его невероятно белому лицу что-то пиратское. С головы, словно крылья опасной птицы, свисали седые спутанные космы. В фигуре, несмотря на ее узость и худобу, чувствовалась сила, готовая вот-вот взорваться.

– Кто ты? – снова спросил Смит, осознавая всю безнадежность вопроса.

ГЛАВА 6

Еще более удивительный момент, что появление этого синдрома практически не имеет прямой зависимости ни от уровня ответственности, ни от возраста, ни от пола.

Хуч давно уже привык к мерцающему свету десятков дисплеев. Он не раздражал его жестких, колючих глаз. Так же, как и легкое, едва уловимое гудение приборов, тихая работа электронных устройств, которые что-то тихо переваривали в своих электронных желудках. Он оглядывал комнату, как командир пусковой с баллистическими ракетами. Его взгляд ласкал сгорбленные спины операторов, мягко касавшихся пальцами постоянно всплывающих на экранах картинок. Этот командный пункт был его тайной гордостью. *В прямом смысле тайной.* Никто в мире не знал о его местонахождении. Ни правительство, ни андроиды, ни даже Борг – самый опасный и непредсказуемый противник.

Хуч заложил руки за спину и сделал несколько ленивых шагов. Операторы тихо переговаривались, их негромкие голоса звучали в унисон электронному жужжанию.

Глубоко в подвале притаились мощные генераторы энергии, которые питали всю эту мерцающую, шепчущую красоту. Снаружи притаились отлично замаскированные чашки контроля, сделанные гораздо лучше федеральных. Они находили, перехватывали, декодировали и обрабатывали любую информацию, которую он пожелал бы узнать.

Для Охотника важен след. Раньше это были отпечатки лап на снегу, сломанная ветка, примятая трава, едва уловимый запах. Теперь следы стали электронными. Но разные люди оставляют разные электронные следы. И он, благодаря своим чудесным приспособлениям, всегда мог их разгадать и появиться перед дичью раньше, чем она сама могла его почуять.

– Ребята, – громко сказал Хуч, – у меня есть подозрения, что наш объект все еще где-то неподалеку. И поверьте, эти подозрения вполне обоснованны. Поэтому мне нужны любые упоминания об объекте в течение последних двадцати четырех часов. В любой базе данных. Покупки, телефонные разговоры, вызов на дом девочек, полицейские сводки, оплата общественного транспорта. Проверять все. И запомните, ищем его не только мы. Но и андроиды. А у них самый большой доступ. Они, правда, не знают некоторых наших приемов, но, как

известно, эти искусственные твари легко обучаются. Поэтому для меня важна скорость. Шевелите щупальцами резвее. От этого зависит наш гонорар.

После этой тронной речи Хуча гудение и мерцание, казалось, усилились.

Уже через несколько минут один из поисковиков поднял руку:

– Банкомат на Пятой. Хотел закрыть счет, но наличных оказалось недостаточно. Получил адрес ближайшего банкомата. Давать?

– Не надо! – коротко бросил Хуч. – Продолжайте сбор всей информации в режиме реального времени. Все.

Он поднес руку ко рту:

– Фримен. Выезжаем. Я сел ему на хвост.

От Охотника невозможно уйти. Как от смерти.

Хуч резко по-военному развернулся и направился к выходу. Дверь за собой он, несмотря на стремительность движений, закрыл аккуратно. Точность и аккуратность – два самых главных качества Охотников. Это жертва оставляет следы. Охотник – никогда.

Тесный коридор уже был заполнен людьми. С ним поравнялся Фримен:

– Хуч, мы можем взять только пятнадцать человек. Не маловато для этого монстра? Все-таки псионик вне категорий...

– Мне нужен только ты. Остальные прикрывают наш отход и организуют зачистку.

Фримен удивился, но внешне это никак не проявилось. Он доверял своему боссу и давно уже привык к его неожиданным решениям. Фримен только немного отстал от несущегося по темному, узкому коридору Хуча, чтобы отдать соответствующие распоряжения.

Хуч вошел в небольшой лифт, дождался Фримена и нажал кнопку «ход». Лифт чуть дернулся, и двери тут же открылись. Прямо из лифта они шагнули в кабину флайера, который чуть подрагивал от предвкушения уже заведенным двигателем. Хуч сел на место пилота, а Фримен захлопнул дверцу. Перед ними дрогнула серая уродливая стена, а затем поползла вниз, сначала лениво и неохотно, а потом стремительно и яростно. Хуч обернулся к Фримену, улыбнулся и показал большой палец. Фримен кивнул.

Когда-то он вот так же в паре летал на задания с Боргом. Если говорить начистоту, то именно они создали Совет Охотников, который объединял банды по всему миру. Они сделали организацию почти легальной. К ним обращались за помощью все. Включая правительство. Как это было, например, в случае с маньяком Сунессом. Сунесс, в отличие от большинства людей, практически не оставлял следов. Он не пользовался единой расчетной системой – всегда платил только наличными, транспортом, презирал любые общественные заведения, а питался... Питался-то он как раз людьми. Сорок восемь человек. Сунессу удалось даже каким-то образом удалить из руки микрочип. И все-таки они с Боргом нашли его. Сделали то, что оказалось не под силу даже андроидам. Нашли просто. Засели в засаду в Клубе Любителей Стейков. Там собирались самые толстые люди планеты. Они ждали два месяца. Борг начал говорить, что это глупо – делать всю ставку на одно место. Но Сунесс все-таки пришел. Жирненького захотелось. Они взяли его с поличным, когда он в кухонной подсобке пытался разделить какого-то толстяка. Они смотрели на него из-за угла, видели, как он достает разделочный нож и примеривается, какой бы кусок посочнее отхватить от своей жертвы. Когда Хуч поднял пистолет со снотворным, Борг схватил его за руку. Ему хотелось досмотреть шоу до конца. Хуч не дал ему насладиться зрелищем и усыпил Сунесса лошадиной дозой. Маньяк отрубился мгновенно. Борг потом уверял его, что просто хотел пошутить. Черный юмор. Но Хуч помнил его глаза. И эти глаза были как две капли воды похожи на глаза Сунесса, когда он осматривал филейную часть толстяка. Они вызвали полицию и скрылись в свою берлогу – ждать, когда правительство перечислит им гонорар. Вот тогда газеты и стали писать о том, что Охотников надо узаконить, ввести их в юридические рамки, предварительно объявив амнистию. Но... С тех пор между ними пробежала кошка. И кошка эта была черной. Борг понимал, что рано или

поздно Хуч все расскажет, и Совет не одобрит действия Борга. В Совете не любили такие действия. Они вообще были склонны к легализации. Но Борг решил убрать Хуча. Этого доказать не удалось, но зверская бойня в Принстонских доках, во время которой пострадало тридцать четыре ни в чем не повинных прохожих, конечно, его рук дело. После Принстонских доков ни о какой легализации и речи быть не могло. Охота началась на самих Охотников. В результате этой охоты численность их популяции значительно сократилась. Остались немногие и то благодаря покровителям в правительстве.

За окном проносился город. Стальной, сливающийся с серым небом, неприступный, весь из острых углов и неожиданных лабиринтов. Он был похож на пасть неведомого чудовища, полную разбросанных в беспорядке кривых, разнокалиберных зубов.

– Хуч, – окликнул его Фримен, – а с чего ты решил, что мы возьмем его у банкомата?

– Я так не решал.

– Почему же мы тогда не стали дослушивать сводку? Парни дали бы нам полную картину.

Фримен поджал губы. Он всегда так делал, когда был недоволен. Не Хучем, а тем, что чего-то не мог понять. Непонимание унижало чувство его собственного достоинства.

– У нас нет времени, Фри. У Смита тоже нет времени. Сняв деньги, он должен был действовать очень быстро. Иначе у банкомата его взяли бы андройды. Или, по крайней мере, попытались бы взять. Мы бы об этом уже узнали. И тогда прощайте, денежки. Значит, этот чертов псионик сориентировался прямо там, на месте – у банкомата.

– Ты уверен, что мы сможем понять его действия?

– Уверен.

Флайер опустился у банкомата. Хуч быстро выпрыгнул и осмотрелся. Обычная улица. Дальний конец города. Хитрого ничего нет. Смит действовал достаточно прямолинейно, отправившись в противоположную сторону от того места, где его попробовали взять. Прямолинейно, но эффективно. Ему нужно было выиграть время. Хуч задумчиво посмотрел на трассу, а затем запрыгнул во флайер, который чуть присел под его тяжестью, как бы помогая хозяину.

– Кортфилдз.

– Ну да, – отозвался Фримен, – это дорога на Кортфилдз, но не только.

– Определенно Кортфилдз. Такси он брать не мог. Его бы сразу засекли. Значит, напросился к частнику. А куда мог поехать частник? Вся работа в городе. Значит, загород – в Кортфилдз, на отдых.

– Понял.

Фримен нажал на тумблер связи, который согласно кивнул, чуть прищелкнув невидимыми каблучками.

– База, – хрипнул динамик.

– База, это Первый и Второй. Посмотрите, не было ли за последнее время каких-либо нарушений в Кортфилдзе, – Фримен повернулся к Хучу: Слушай, если ему удалось пройти через звенелку, мы его не возьмем. А если не удалось, то его уже взяли.

– Почему же мы об этом ничего не знаем?

– Хуч, а может, они не хотят, чтобы мы знали?

– Первый, Второй, это База. Никаких происшествий не зафиксировано.

– Может быть, он ушел пешком? – предположил Фримен, но в его голосе отчетливо слышалось сомнение.

Хуч вместо ответа поднял флайер.

– В Кортфилдз. На всякий случай проверим. Мне кажется, что ты гений, Фри.

– Я? Ну в каком-то смысле иногда, раз в жизни, мы все бываем гениями. А в чем дело?

А то я, по-моему, уже перестал им быть.

– Я про то, что они не хотят, чтобы мы знали.

– Так тогда они, скорее всего, его уже взяли.

– Они его не взяли. Они не знают, как его брать. Даже мне с трудом сказали, что он шпион Девятой категории.

Фримен снова поджал губы.

– И я с ним сталкивался, – продолжил Хуч, и глаза его потемнели от ярости за то бессилие, которое ему пришлось пережить на крыше дома по адресу Двадцать восьмая улица, дом 19Б. – Я знаю, что он может. Поэтому я решил, что мы пойдем вдвоем. Он предчувствует, Фри, он все предчувствует. Чем больше народу на него охотится, тем сильнее его предчувствие. Я зайду с фронта, а ты расположишься с тыла на значительном расстоянии. Ты мой лучший стрелок. Влепишь ему в спину, когда он начнет разбираться со мной. Мы возьмем его, Фри.

На горизонте показалась арка Кортфилдза, похожая на врытую в землю подкову. Рядом застыли машины, как игрушки на витрине детского магазина, аккуратно расставленные заботливым продавцом. Флайер сделал вираж и начал по кругу опускаться вниз, целясь своим тупым носом в специальную посадочную площадку. Заработал тормозной двигатель, флайер, словно старый курильщик, выпустил из сопел две белые густые струи воздуха.

В это время в кабине снова зашуршал микрофон.

– Первый, Второй, это База. У нас данные по Кортфилдзу. Как слышите?

Фримен и Хуч коротко переглянулись.

– Слышим тебя хорошо, – осторожно, чтобы не спугнуть удачу ответил Фримен.

– У нас подозрения, что кто-то стирал информацию с чашки. Пытаемся восстановить.

– Сколько вам понадобится времени? – спросил Хуч.

– Трудно сказать... Может быть, пятнадцать минут, а может быть, неделя.

– Постарайтесь уложиться как можно быстрее.

– Тут есть еще информация по Кортфилдзу. Некто Палп, федеральный служащий подал заявку на задержание подозрительной личности, которую он подвозил... О, черт!

Фримен и Хуч снова переглянулись, но на этот раз тревожно.

– Что там у вас? – Спросил Фримен.

– Все ясно, – тронул его за рукав, – пошли быстрее, он может быть еще здесь.

– Кто-то только что уничтожил заявление Палпа.

Хуч буквально вытолкнул Фримена из кабины.

– Ты точно знаешь, что он здесь?

– А эта сука Стерн говорил мне, что они не могут организовать нам крышу андроидов.

Шевелись.

Две крепкие фигуры заскользили к звенелке, лавируя между машинами.

– Крыша андроидов? – губы Фримена не просто сжались, а побелели.

– Потом расскажу, – огрызнулся Хуч, проходя через звенелку. – А сейчас нам нужен этот Палп. Я чувствую, что он здесь. Пока они не восстановили данные, мы должны найти его и выяснить, что здесь случилось.

Они быстро шагали к небольшому административному зданию, серо-коричневой коробке, стоявшей неподалеку. Впереди расстились знаменитые корты Кортфилдза. Мимо них сновали электрокары, развозящие игроков. Кто-то возвращался, кто-то отправлялся играть. Потные лица, сумки со спортивным инвентарем и банданы всех мастей; хнычущие дети, молодящиеся мамы и бесконечные бутылки с прохладительными напитками. По дорожкам суетливо металась роботы-уборщики.

Хуч подошел к первому попавшемуся окну с надписью «администратор». На его лице появилась респектабельная улыбка. Зубы выглядели как солдаты в белых парадных мундирах. И только глаза сохранили опасное, парализующее выражение.

– Мы хотели бы узнать, на каком корте сейчас находится наш приятель...

Он едва уловимым движением головы подал знак Фримену, и тот начал быстро шептать в микрофон, спрятанный на запястье.

– Его зовут Палп. Посмотрите, пожалуйста, в списках.

– Палп? – недоверчиво отозвался администратор, пытаясь через треугольное окошечко оценить находящегося перед ним человека. – У меня здесь четыре Палпа.

Фримен оторвал запястье уже от уха и тоже просунулся в окошечко:

– Зигмунд Палп. Федеральный завод авто-такси.

Палец администратора заскользил по списку.

– Шестой корт. Вызвать электрокар?

Снова сверкнули зубы:

– Будьте добры.

За их спинами, шаркнув шинами о гудронное покрытие дорожки, остановился кар.

– Мич, ты свободен, – крикнул администратор.

– Он свободен, – ответил за Мича Хуч, и улыбка исчезла.

Фримен уже что-то вежливо объяснял водителю кара. Через минуту они уже катили между кортами, морщась от гороховой дробы ударов мячей о грунтовое покрытие и бесконечных, сладострастных стонов делающих подачу игроков.

– Пятый совсем близко. Беспонтовая площадка для гольфа. Для квадратов из пригородов, – пояснил словоохотливый Мич.

Сидя на небольшом, похожем на велосипедное, седле, он был похож на жокея. Та же каска на голове, такой же щуплый, в нелепой униформе и с улыбкой на сморщенном, как стиральная доска, лице. Ответа он не получил, но это его не смутило.

– Она размером с пачку презервативов. Могли бы и во дворе у себя поиграть. Но нет, надо же потом на работе полгода рассказывать: я тут на днях был в Кортфилдзе, на соседнем поле со мной играл Сэм Хупарт. Локоть у него совсем не работает... Потом перекинулись парой слов. Квадраты, они все такие. Заливают тебе по полному баку, а сами... С гнильцой они все, с такой гнильцой. Стукачи с рождения.

Фримен и Хуч переглянулись.

– Ты к чему это? – осведомился Фримен.

– А к тому, что вы, я вижу, ребята серьезные, а водитесь с такими, как Палп. Странно...

– Он нам должен.

– Тогда без вопросов. Я бы лично брать у вас в займы не рискнул.

Фримен и Хуч посмотрели друг на друга, как бы оценивая себя со стороны. Оба широкие в плечах, с подбородками, об которые мог бы сломать руку и чемпион по боксу в тяжелом весе, одеты очень экономно, так чтобы одежда не стесняла движений, легкая, но крепкая обувь. На лице Хуча отразилась досада. Не было времени подкорректировать имидж.

– А квадраты, они все с гнильцой, корчат из себя крутых, песни поют, а взглянешь – придурак из пригорода, корячится на каком-нибудь федеральном заводе... Одно слово – квадрат. А вы другое дело, сразу видно...

– За дорогой следи, – не выдержав, оборвал его Фримен.

– А чего за ней следить – приехали. Вас ждать?

Кар остановился, в руки Мичу спланировала красная бумажка, а Хуч с Фрименом оглядели площадку. Она и впрямь была невелика, хотя. На грине маячили две мужские фигуры.

– Спорим, я его сразу узнаю, – сказал Фримен, когда они зашагали по полю.

– После описания Мича его узнает и слепой.

Палп примеривался к удару, долго и бессмысленно глядя на мяч. Он вздрогнул от неожиданности, когда на его плечо легла тяжелая рука.

– Мистер Палп?

Он поднял голову.

– Какого вам черта надо? Это наше время!

Он обернулся в поисках партнера. Партнер беседовал с Фрименом. При этом Фримен улыбался и что-то объяснял, а партнер стоял так, будто боялся пошевелиться, потому что малейшее движение могло вызвать атомный взрыв.

– Вы кто?

Ему в глаза метнулось удостоверение, раскрыло пасть и щелкнуло прямо возле носа. Кончик носа обдало быстрой неприятной воздушной волной. В ней угадывался запах свежей типографской краски.

– Федеральная служба социальных проблем.

Именно такое скромное название носила одна из самых мощных и засекреченных спецслужб. О ней ходили такие чудовищно неправдоподобные легенды, что, казалось, обыватели черпают их из комиксов, которые отвергли все издательства.

– Давайте отойдем. Вон туда.

Стальная рука Хуча держала Палпа за локоть, там, где проходит нерв. Больно не было, но Палп чувствовал: одно нажатие пальца и он вспомнит все свои походы к зубному, когда денег на заморозку не хватало.

– А вы не могли бы показать удостоверение еще раз?

– Мог бы, – легко согласился Хуч, лучась доброжелательством.

Палп не замечал, что его ведут к небольшой группе деревьев, окруженной кустарником. Как только они оказались за этим кустарником, Хуч протянул ему удостоверение. Палп недоверчиво взял его, покрутил в руках, раскрыл, стал читать и сличать фото с оригиналом. Хуч наблюдал за этим с улыбкой.

– Мы насчет сегодняшнего инцидента. Вы сделали заявление на задержание подозрительной личности.

– Да...

– Расскажите подробнее, что случилось. Все подробности, начиная с того, как вы отъехали от вашего дома.

– Он сказал, что ему надо в Кортфилдз. Я его подвез, но сразу раскусил из-за наличных. Он сказал, что у него счет пустой. А рядом-то банкомат!

– А ты наблюдательный парень, – подбодрил его Хуч.

– А потом странная штука случилась. Его подхватил сообщник на новеньком «Дестере», а андроид не стал стрелять.

– Это был сержант Армстронг. Он поврежден. Сбой в системе. Такое бывает. Редко, но бывает. Как выглядел сообщник? Вы успели его рассмотреть?

Палп на несколько мгновений задумался.

– Я читал в «Интерполиции», что вам с сегодняшнего дня должны были заменить удостоверения на титановые жетоны.

– Бюрократические проволочки. Не всем успели заменить.

– А где ваши сканирующие очки?

– Мы сегодня не по уставу, приятель. Представь, если бы мы всегда ходили в сканирующих очках. Нас бы любая сволочь вычислить смогла.

Хуч не сдержался и с особым нажимом выделил слово «сволочь».

– Вы меня извините, но я должен проверить.

Палп вытащил микротелефон.

– Алло? Общественная приемная эФЭСЭСПЭ? У вас работает майор Хуч?

Некоторое время он слушал невидимого собеседника, а потом его глаза сузились.

– Они говорят, что нет.

– А кто вам ответил?

– Сержант Маргарет Нейл...

– Она работает у нас неделю. Не знает порядка кодов. Мы из СД-1. Самый секретный отдел.

– Неделю? И уже сержант?

Хуч перестал улыбаться. Глаза Палпа заметались по всему Кортфилдзу. Он уже собрался открыть рот, но Хуч не дал ему этого сделать.

– Знаешь, за что двоечники убили отличника? Он слишком много знал.

Движение было быстрым, как полет электрона. Полы пиджака распахнулись, из миниатюрной кобуры вылетел маленький керамический пистолет. Из дула выскочила игла и воткнулась Палпу в потную грудь. Тот застыл, словно надгробный памятник. Хуч вышел из кустов и махнул Фримену. Через микросекунду точно так же застыл партнер Палпа. Еще через минуту оба Охотника ехали в каре, мрачно слушая болтовню Мича.

Когда они наконец от него избавились, Фримен хмуро спросил:

– А что случилось?

– Эта сволочь оказалась помешанной на спецслужбах. «Интерполицию» читает.

– Расколел?

Хуч хмуро кивнул, ускоряя шаг.

– Сколько у нас времени?

– Они протрчат в таком состоянии двадцать минут. Если никто не обратит внимания.

Могут вызвать «скорую»...

– Не успеют, – кивнул сам себе Фримен.

– Что-то много проколов с этим Смитом.

Фримен ничего не ответил. Он просто чувствовал, как растет напряжение, которое со временем может превратиться в страх.

Они молча залезли в кар. Коммуникатор, который они забыли выключить, монотонно повторял:

– Первый, Второй, это База. Первый, Второй, это база...

– Слушаем.

– Удалось восстановить часть данных. Картинка не очень, стирали на совесть, но кое-что интересное есть.

– Вот черт! – ударил по приборной доске Фримен. – Зря, выходит, двоих порешили!

Хуч не высказал сожалений, все его мысли были сосредоточены на изображении, которое получили его парни. Вот это был уже настоящий след.

ГЛАВА 7

Авторство термина «синдром менеджера» приписывают японским врачам. Считается, что именно они впервые сформулировали признаки и симптомы этого явления.

Существуют ли люди, которым везет всю жизнь? Смит не мог ответить на этот вопрос. Одно он осознавал четко: так как везло ему последнее время, ему не везло никогда. У него даже не было времени задаться некоторыми совершенно очевидными вопросами: каким образом ему удалось уйти от Охотников, почему так странно повел себя пистолет одного из них, что случилось с андроидом, который пытался то ли арестовать его, то ли убить и почему у человека, который странным образом подхватил его на «Дестере», такое неестественно белое лицо? Это был не просто белый цвет, его кожа не казалась выкрашенной белой краской или мелом... Скорее речь шла вообще об отсутствии цвета. И на этом лице сверкали ярко-голубые глаза. Совершенно нечеловеческое сочетание. Сочетание, которое наводило ужас. С другой стороны, Смит надеялся, что именно этот бледнолицый и мог ответить на многие из вопросов, на которые ему очень хотелось получить ответ, да времени не было.

Бледнолицый повернул к нему свое жуткое лицо, улыбнулся красными губами (очень красными!) и кивнул:

– Норткамп.

Смит посмотрел в окно. Внизу серел небольшой городишко. Приземистые, мышиноного цвета бараки казались горсткой мусора, который смели в кучку, а совком подцепить забыли. Город вяло дымился, какими-то своими естественными нуждами. Что-то там варилось, парилось, работало, в общем, шла размеренная жизнь рабочего поселка.

От Норткампа вилась серая нитка шоссе, которая исчезала за зеленым холмом, видимо, обрываясь у завода, на котором работали его обитатели.

«Дестер» уверенно начал снижаться, вспарывая облака, как нож пуховую перину. Головокружительный спуск, и «Дестер» запетлял по беспорядочным переулкам, между безликих, как официальные речи, барачков. Их окна не отражали солнечный свет. Они поглощали его, отчего бараки казались квадратными мертвыми вселенными, утыканными черными дырами. Заглядывать в них не хотелось.

Наконец «Дестер» замедлил ход, выпустил колеса и покатил по мостовой. Редкие прохожие смотрели на него с изумлением, как на пришельца из чужих миров, внезапно вынырнувшего из параллельного мира. Одни из них застывали в почтительном восторге, другие смотрели хищно и жадно. Жители Норткампа большей частью были одеты в рабочую униформу завода, и отличить их друг от друга было практически невозможно. Но вида они были явно социально-опасного.

– У них ни один представитель власти и слова не вытянет. А уж если появится андроид, они его разберут на запчасти, – ухмыльнулся долговязый бледнолицый.

«Дестер» окончательно запутался среди бесконечных улиц, но неожиданно вынырнул у какой-то свалки, лихо обогнул ее и оказался среди заброшенных строений, по всей вероятности, бывших в лучшие времена казармами. Аэромобиль нырнул в проем, очертаниями напоминавший ворота и очутился в лабиринте облупившейся штукатурки, крошащегося кирпича и осыпавшихся углов. Смит подумал, что обратной дороги из этого забытого людьми места ему не найти.

Обратной дороги? Нет. Никогда. Потому что...

... Вот уж где вдоволь можно было поиграть в прятки. Захватывающие прятки. Такие прятки, когда спрятавшийся мечтает, чтобы его нашли, но знает, что его никогда не найдут. И рано или поздно он превратится в красную кирпичную пыль и сольется с этим пейзажем навсегда.

«Дестер» влетел в огромную брешь в стене бесформенного, как куча отбросов, строения и, подняв тучу пыли, остановился. Казалось, что аэромобиль сейчас чихнет.

– Приехали, – констатировал факт бледнолицый.

Они вылезли наружу. Помещение было пустым и необитаемым. Его пронизывали пыльные солнечные лучи, которые, казалось, можно было взять в руки.

– Куда ты меня привез?

Голубые глаза закатились куда-то за веки, лицо превратилось в сплошной белый блин. Смит даже отшатнулся. Не от страха, а, скорее, от отвращения.

– Ну ты даешь! Ты же хотел в Норткамп, вот и попал в Норткамп. Только это старый город. Он абсолютно заброшен. Здесь нас не найдут.

Бледнолицый отряхнул черный плащ, накиннутый на плечи, черный сюртук, сжимавший его узкую грудь и черные брюки, облепившие его костлявые донкихотские ноги. Одежда от пыли серела прямо на глазах.

– Пыльновато, но сойдет. Выбирать нам не приходится. Давай знакомиться?

Он протянул Смицу сухую, длинную ладонь. Смит осторожно пожал ее. Кожа его спасителя была шершавой и абсолютно сухой, как у ящерицы.

- Альгаймер.
- Смит.
- Это я знаю. А вот где твое «спасибо» за то, что я тебя спас?
- Хотелось бы знать, от кого.

Альгаймер снова закатил глаза в притворном удивлении. Смита передернуло. Это у него такая привычка или он нарочно пугает людей?

- Ото всех! Ты, парень, наделал дел. А теперь рассказывай, что там с Девятой?
- С какой Девятой?

– Да ладно, давай сработаем вместе. В твоём положении тебе необходим напарник, а лучше меня не найдешь.

Угроза! Он не Охотник, но это угроза.

- Я не понимаю, о чем ты говоришь. Какая Девятая?
- Так, – лицо Альгаймера приняло озадаченное выражение, – давай разберемся. Ты Адам Смит. Восточная энергетическая. Специалист маркетингового отдела.
- Да, – не стал отпираться Смит, – совершенно верно.
- Так какого ты мне баки заливаешь! Возьмем Девятую вместе.
- Какую Девятую?
- Скважину!
- Не слышал о такой.

Смит начал обходить бледнолицего по кругу. Он делал это неосознанно, под влиянием инстинкта самосохранения.

– О ней пока никто не слышал. Ее открыла Первая энергетическая. А ты у них эти сведения спер. Поэтому за тобой и охотятся. Первая энергетическая хочет тебя убить. Они наверняка наняли Охотников. А когда у них не получилось тебя взять, объявили в розыск. Скорее всего, как убийцу. В этом случае Черный эскадрон может стрелять на поражение. Кстати, как тебе удалось уйти от Охотников?

Смит продолжал движение по кругу. Альгаймер поворачивался вслед за ним, как радар. Его лицо озарила внезапная догадка, на щеках заиграл бледный румянец.

- Ты псионик! Точно! И, наверное, крутой пси, если сумел облажать Охотников.
- Я? Псионик?

Внутри у Смита потеплело, как будто включили электроплитку и она начала нагреваться.

- Ты ошибаешься. Что тебе от меня надо?

– Я никогда не ошибаюсь, старик. Альгаймер фишку рубит. Ты – пси. С тобой можно любую скважину работать.

- Я не псионик. Это раз. И я не крал никаких секретов у Первой энергетической. Это два.
- Ладно. Ты не псионик. Но как ты тогда объяснишь вот это.

Рука бледнолицего вылетела из-под плаща. Сначала Смит не понял смысл этого прекрасного, равноускоренного движения. А затем он увидел серебристую ленту, которая стремительно приближалась к нему. Серебристое полотно по ходу движения начало краснеть. Сначала пурпур откусил острый кончик, а потом, как пожар, начал захватывать всю поверхность, продвигаясь к рукоятке. Энергонож! Смит застыл как парализованный. Он уже чувствовал, как раскаленный металл входит в его череп, прожигает насквозь и благополучно вылетает из затылка. Но... нож пролетел мимо. Буквально в сантиметре от щеки, обдав ее гудящим от разочарования жаром. Смит обернулся и увидел, как энергонож вошел в кирпичную стену по рукоятку. Рукоятка заканчивала дрожание. По стене ползли капли оплавленного кирпича, которые тут же застывали гусеничными потеками.

- Ну? И как?

– Ты хотел убить меня?!

– Тебя, – Альгаймер рассмеялся необычно детским звонким смехом. – Тебя! Ты только что отклонил нож! Ты – кинетик. Черт, я никогда ничего подобного не видел!

– Ты лжешь. Ты просто промахнулся.

Смит двинулся на Альгаймера, даже не представляя, что он будет делать. Но после первого шага план созрел: завязать видимость борьбы, оттеснить его от машины, а затем вскочить за руль и попытаться удрать.

Или убить? Раздолбать его аэромобилем, так чтобы скелет превратился в груды пазлов!

– Э-э-э! – Альгаймер сделал шаг назад. – Я тебе ничего плохого не сделал. Я тебя спас, помнишь? Ты отклонил нож. Это ты сделал. Давай проверим. Давай ты его вытащишь из стены. Готов поспорить, он ляжет тебе прямо в руку. Ты прости, я не знал, что ты не знал, что ты – псионик.

– Что за чушь! – Смит начал злиться.

Волна чистой, как горная река, эмоций захлестнула его с головой.

– Этот нож?! – Он выбросил руку в направлении торчавшего в стене энергоножа. – Вырвать из стены?!

И тут ему в ладонь ударило что-то твердое. Смит обернулся и увидел энергонож, который уже остыл и теперь висел между его ладонью и пыльным полом. Он висел неподвижно, лишь едва заметно поводя кончиком из стороны в сторону. Он будто не хотел касаться пыльного пола в силу природной брезгливости. Смит посмотрел на свою ладонь, и тут же в ней оказался нож. Смит осторожно сжал пальцы. Детский, залихватский смех вернул его к жизни. Он посмотрел на Альгаймера.

– Круто! Уж если кому кого и бояться, так это мне тебя. Да-а... Теперь понятно, как тебе удалось обокрасть Первую энергетическую. Может, ты и сквозь стены ходишь? Нет, это невозможно, а вот телекинез... Слушай, ты, наверное, любой замок открыть можешь?

Смит завороченно смотрел на нож. Нож прильнул к его ладони, как нежный и ласковый зверек. Еще немного и замурлычит.

– Пойдем, – взял его за рукав Альгаймер, который внезапно оказался рядом с пугающей быстротой.

– Куда? – спросил Смит, сжимая послушный и верный энергонож.

– Ну не будем же мы здесь стоять до второго пришествия! Я привез тебя сюда неслучайно. У меня здесь нечто вроде убежища.

– Я так и не узнал, кто ты.

– Пойдем, я тебе все объясню.

Они пересекли пыльное помещение, и Альгаймер открыл ржавую скрипучую дверь. Смит предусмотрительно старался держаться сзади. Они очутились в небольшой комнатке, в дальнем углу которой темнел спуск в подвальное помещение. Альгаймер уверенно начал спускаться по крутым ступенькам вниз. Снова ржавая дверь, и они оказались в подвале. Альгаймер шелкнул пальцами, и зажегся неяркий красноватый свет. Смит огляделся.

Это была небольшая квадратная комната. Странно, но она создавала впечатление уюта. В дальнем углу небольшая кухня, обеденный стол, две кровати и рабочий стол с компьютером.

– Милости прошу в мою берлогу, – сказал Альгаймер и сел на ближайшую кровать, – есть будешь?

– Можно было бы, – согласился Смит, присаживаясь на другую кровать.

Альгаймер подошел к плите и начал вытаскивать что-то из мини-холодильника.

– Извини, разносолов у меня нет. Все консервированное. Стратегические запасы.

– Ну, так кто ты? И почему меня спас?

– Во-от, – удовлетворенно протянул Альгаймер, – наконец-то ты признал, что я тебя спас. Тушеная баранина с помидорами и бобы?

– Не отвлекайся, – Смит рассматривал энергонож. Вот если здесь нажать большим пальцем, то лезвие немедленно начинает нагреваться.

– Я старатель, – ответил Альгаймер, – частный старатель. Эти ваши энергетические компании захватили весь рынок. Самое большее, на что можно рассчитывать, – это на работу бурильщика. Для меня это унижение. Я не хочу работать бурильщиком. Я хочу собственную скважину, понимаешь. Пусть небольшую, но свою. Я мог бы передать ее по наследству.

– У тебя есть дети? – заинтересовался Смит. Он тщетно попытался представить себе жену бледнолицего.

– А почему наследство нужно обязательно оставлять детям?

На плите что-то зашкварчало. По комнате пополз аппетитный аромат.

– Можно, – продолжал Альгаймер, – оставить его кому угодно. Важен сам факт – тебе есть что оставить.

– Но можно купить акции компании...

– Не смехи. Акции – это бумажки, а скважина – это реальность. Буровая... Клиенты... Во время энергокризиса приятное повышение цен. И никаких собраний акционеров. Ты единственный владелец. Ну, как тебе перспектива?

– Но как можно украсть скважину? Я так понял, что она принадлежит Первой энергетической.

Альгаймер повернулся и посмотрел на Смита почти с любовью.

– Никому она не принадлежит. Никто еще не подал заявку. Ее только что нашли. И разработка еще не начата, если ты о законе Шерри. Так что мы можем начать эту разработку хоть сейчас. С твоими-то способностями.

– Я не совсем понял. У нас ведь нет оборудования, рабочих...

– Это я беру на себя. А тебе нужно только двигать предметы.

Смит был несколько растерян. Только что он был беглецом, а теперь ему предлагали бизнес-партнерство.

Так не бывает. Бывает по-всякому. Но так – не бывает.

– Я тебе не верю.

– Ладно, давай есть.

Альгаймер поставил на стол две дымящиеся тарелки. Коричневое мясо и красные дольки помидор, казалось, источали какой-то дурманящий аромат. Уж не подсыпал ли он туда каких-нибудь наркотиков?

Они сели за стол и, вооружившись ложками, принялись за еду. Вкус баранины с овощами показался Смиты божественным. Только теперь он понял, как долго не ел. Альгаймер тем временем вынул из холодильника два стакана холодного сока и поставил их на стол.

– Почему ты мне не веришь?

– Откуда ты знал, что я буду именно в Кортфилдзе и именно в это время? Откуда ты вообще знал, что меня преследуют?

– Я в этом бизнесе очень давно. У меня есть свои агенты. Я нелегально прослушиваю полицейскую волну. Когда этот параноик Палп сделал заявление на задержание подозрительной личности, я сразу помчался в Кортфилдз. Мне повезло, что я залег в Норткампе.

Смиты эти объяснения показались убедительными.

– Ну что, выпьем? – стакан Альгаймера взмыл в воздух, как сигнальная ракета.

– А про лицо?

Стакан плавно опустился на место. Альгаймер помрачнел.

– Про лицо... Я похож на смерть?

Он вздохнул.

– Одно я тебе могу сказать точно. Оно не всегда было таким. Попал я очень давно в одну неприятную историю. Ну тебе это еще предстоит узнать. Не сейчас, ладно?

Смит поднял стакан. Они чокнулись. Красно-оранжевая жидкость приятно обожгла горло. Смит с удовольствием сглотнул. Когда сок достиг желудка, Смит вздрогнул. И посмотрел на Альгаймера. Альгаймер наблюдал за ним с напряженным интересом. Его глаза стали темно-синими. Смит почувствовал, как холодеет, его конечности начали неметь. Он хотел закричать, но рот только открылся. Воздух из легких не выходил. Они просто не могли его вытолкнуть, потому что были парализованы. Альгаймер расслабился.

– Ты узнаешь про мое лицо, очень скоро.

Он встал и открыл замаскированный в стене чуланчик, с лихорадочной торопливостью стал вынимать оттуда какие-то шланги, приборы, похожие на осциллограф и совсем непонятные приспособления.

Смит попытался бороться с холодом. И ощутил, что ему это удастся. Он просто бросил навстречу ледяному безмолвию жар мартена. Альгаймер, почувствовав что-то неладное, быстро обернулся. И увидел. Из рта Смита вытекала красно-оранжевая струя, но вытекала медленно и казалась вязкой, как зубная паста. Она была неровная, перекрученная, как струя из крана, в котором нелады с прокладкой. Она выползала, словно Смит рождал какое-то неведомое существо, блестящее от покрывающей его слизи. Альгаймер не мог оторвать взгляда от этого зрелища. Он почти наслаждался им. Наконец показался хвост красно-оранжевой змеи. Она еще немного повисела в воздухе и резко рухнула вниз, разбившись в лепешку о бетонный пол. Во все стороны полетели брызги, похожие на спасательные капсулы взорвавшегося корабля. Альгаймер завороченно смотрел на расплывающуюся лужу. Когда он поднял глаза, то увидел, как перед ним раскаляется энергонож, как его съедает пурпурная лихорадка. Бледное лицо опалило жаром. Альгаймер отпрянул, понимая, что вряд ли ему удастся спастись в маленьком, замкнутом пространстве. Смит все еще ничего не мог сказать. Он только жадно вдыхал воздух. Альгаймер посмотрел на свои приспособления и усмехнулся:

– Не вышло.

В это время раздался страшный удар. На пол с грохотом рухнула железная дверь.

ГЛАВА 8

Одной из самых частых жалоб больных является жалоба на головную боль. Среди цефалгий лидирующее положение занимают головные боли напряжения – 50—80%.

Мирт и Биш сидели в комнате отдыха кабинета Биша. Сейчас он был наполнен ароматом свежего кофе. Чашки красовались на столе перед ними. Биш рассматривал как всегда воспаленные глаза Мирта, которые хотели спрятаться за огромными мешками и там отоспаться.

– Ну? – спросил он, отхлебнув кофе. – Ты утверждал, что это простые технические трудности, небольшая авария. Что говорят разведчики?

– Они говорят, что потребуются дополнительные расходы.

Биш поставил чашку на стол.

– Как ты думаешь, они просто хотят денег, почуяв, что мы получим неплохую добычу, или здесь реальные неприятности?

– Да просто денег хотят. Обычное дело. Для нас это не расходы, особенно если учесть те прибыли, которые мы...

– Что-то у тебя все очень просто, Мирт. Все очень просто никогда не бывает. Даже люди умирают непросто.

Мирт вздохнул и опустил глаза. Бишу на мгновение показалось, что они сейчас выпадут из глазниц, настолько он выглядел усталым.

– Теперь о прибыли, которую мы якобы получим. Пока мы не можем даже начать разработку. Так что говорить о том, что все просто... Откуда у тебя такая уверенность? Или ты просто хочешь усыпить мою бдительность?

– Ты по-прежнему считаешь меня Крысой?

– Мирт, дружище, об этом и речи быть не может. Я слишком давно тебя знаю. Но может быть, ты кому-то проговорился? Вспомни?

Биш подался вперед, сверля своего вице-президента глазами.

– Ну, давай, вспомни. Я чувствую, что ты что-то не договариваешь, что-то тебя гложет. И успокоить ты, прежде всего, хочешь не меня, а себя. «Все будет, нормально, все просто...» Брось, совершенно ясно, что у нас реальная проблема. И дело тут не в Разведчиках, а в том, что Восточная энергетическая каким-то образом узнала про Девятую. Они не дадут нам покоя. Там тоже не сосунки сидят. Они живьем могут съесть любого. Напряги извилины. Вспоминай.

– Может, Порч? – Вяло предложил Мирт.

Биш вскочил. Его темперамент никогда не позволял ему долго сидеть на одном месте. Именно поэтому все его доклады и отчеты были предельно лаконичными. Сидеть на заседаниях больше полутора часов он не мог просто физически. Он не любил кино, театры и балет потому, что там нужно было сидеть не менее двух часов. С ума сойти можно! Биш прошелся по комнате. Когда он находился в движении, ему очень легко думалось. То ли шаги задавали особый ритм, который совпадал с резонансами его мозга, то ли причина была скрыта в чем-то еще, он не знал.

– Порч! Порч, конечно, зануда и прохиндей, но это не его мотив. Если бы он узнал об утечке информации, он бы тут же потребовал назначения расследования, нашел бы Крысу и собственноручно ее распял. Единственная болезнь Порча – это паранойя. Как все неумные люди, он всегда боится, что его обманут. Часами будет торговаться и перебирать товар, пока наконец ему не всучат самый плохой. Нет, это не он.

– Почему же тогда именно он поднял этот вопрос на собрании? – Не сдавался Мирт.

Его кофе, к которому он так и не притронулся, обреченно остывал, выдыхая слабейшие струйки пара. Вместе с ними безвозвратно улетучивался аромат.

– Кто-то сказал ему.

– Кто?

– Тот, кто сдал информацию.

Биш снова заметался по комнате, как шарик в пинг-понге.

– И ведь именно в Восточную! Именно в Восточную! Ни в Ист-Вест, ни в Тотал Энерджи, в Восточную! Это означает, что он владеет всей информацией, всей!

У Мирта зазвонил телефон. Он нехотя вынул его, посмотрел на дисплей, не заметив, что краем глаза информацию на нем зацепил нависший над ним Биш.

– Да, – устало ответил Мирт, – уже не надо?

В голосе Мирта прозвучало неподдельное удивление.

– Ты же еще месяц назад на коленях стоял. Нашел? Мне бы так легко находить деньги. Ну что ж, рад за тебя. Нет, я занят по горло. Извини, в другой раз.

Телефон Мирта нырнул в складки его всегда мешковатого и мятого костюма. Он поднял глаза. Перед ним, глядя на него в упор, оперев руки в бока, стоял Биш. Его поза не предвещала ничего хорошего. Со школьных времен Мирт помнил, что эта поза предшествовала жестокой драке, а в драке Биша никогда не смущал ни рост, ни вес, ни возраст противника. Он бился насмерть, и это пугало многих его врагов.

– Что? – Спросил Мирт, попытавшись придать своему лицу невинное выражение.

Но лицо отказывалось ему служить, оно, как и все тело, хотело спать. Мирт с трудом подавил вздох.

– Кто звонил? – спросил Биш совершенно беззаботным тоном.

Но этот тон мог обмануть кого угодно, но только не Мирта. Мирт собрал всю свою волю в кулак и сделал последнюю попытку.

– Один приятель по рыбалке. У него были трудности, и он просил меня помочь. Теперь, слава Богу, трудности позади. И он звонил мне, чтобы похвастаться, что справился с ними самостоятельно. Приглашал отдохнуть. Я должен отчитываться за каждый звонок, Дик?

– Не припомню, чтобы Кирк увлекался рыбалкой. Или ты будешь утверждать, что это звонил не Кирк? Может, посмотрим последний входящий?

– Да, звонил Кирк. Ну и что это меняет?

Руки Биша опустились вдоль тела, и это был хороший знак. Биш снова стал мерить шагами комнату.

– Это меняет многое. Откуда у Кирка могут быть проблемы? Он обеспеченный бездельник. Его проблема – алкоголь и женщины. А как я понял из вашего разговора, у него были проблемы с деньгами. Расскажи-ка поподробней.

Мирт отхлебнул остывший кофе и поморщился.

– Он позвонил мне с месяц назад и попросил очень приличную сумму. Предлагал часть своих акций буквально по бросовой цене. Я мог бы получить блокирующий пакет. А вот теперь он сказал, что его финансовые проблемы решены.

– Женщина, – сказал сам себе Биш, – наверняка женщина. Они способны потратить любую сумму. Но не настолько крупную, чтобы не хватило его дивидендов. Скорее всего, соблазнил несовершеннолетнюю, она забеременела, а теперь родители пугают его судом. Вот здесь сумма может оказаться реальной.

Биш нажал кнопку на пульте связи.

– Крис? У тебя что-нибудь есть на Кирка? Последние два месяца. Да. Когда сможешь сделать подборку? Хорошо. Жду.

Он повернулся к Мирту:

– Ну-ну, продолжай.

– А это, собственно, все.

– Блокирующий пакет... – Биш задумчиво поскреб подбородок, – мы могли бы заткнуть Порча навсегда. Жаль...

Раздался шум факса. Из щели выполз листок, на котором была фотография девушки и текст. Биш оторвал листок и стал читать:

– Как я и думал. Анда Поп. Пятнадцать лет. Встречались две недели. Счет за оплату в клинике Рассела. Аборт. Вот зачем ему были нужны деньги. Так. «По непроверенной информации, родители Анды грозились подать в суд. В суд, однако, так и не подали. В то же время на счет Попов поступило...» Ого! – Биш неумело присвистнул. – Таковую сумму он собрать не мог. Особенно при его тратах. С этим все ясно. – Биш вновь зашагал по комнате. – Теперь второй вопрос. Откуда он взял деньги?

– Мало ли? – Мирт пожал плечами. – Он вполне кредитоспособный. Ему мог одолжить кто угодно...

– Ему не нужен был долг. Он же не в долг у тебя просил, а хотел продать акции. Что он продал, Мирт? Девятую?

Мирт снова отхлебнул холодного кофе и вновь поморщился.

– Именно. Информацию о Девятой. А где он ее взял?

Приятели посмотрели друг на друга. Биш стремительно открыл ящик стола и, выхватив оттуда пачку бумаг, начал их лихорадочно листать. Затем, видимо, найдя нужное место, хлоп-

нул себя по лбу. Да так звонко, что Мирт подумал, уж не вшита ли у него металлическая пластина.

– Мы сами ему ее с тобой дали. Идиоты! Идиоты!

– Ты имеешь в виду...

– Да, именно. Мы сделали его председателем Ревизионной комиссии. Это моя вина. Я думал, этот алкоголик и бабник, которого кроме удовольствий больше ничего не интересует, абсолютно безвреден. Как председатель Ревизионной комиссии он имел доступ ко всем документам. Формально, конечно. Но имел. И вполне мог сообразить, что к чему. Все-таки выпускник Бург-пойнта. Диплом с отличием. Мозги у него есть. Вот скотина!

– И что теперь будем делать?

– А что теперь сделаешь, – Биш плюхнулся на свое место.

– Мы могли бы сливать ему дезу.

– Бесплезно. Он одноразовый товарищ. Лучше было сразу купить у него акции, и дело с концом. И чего ты тянул?

– Я думал, что тебе будет неприятно...

– Думал... Хотя кто бы мог подумать. Ненавижу эту Анду Поп.

Снова что-то зашептал факс. Биш посмотрел на него, как на змей. Документ выполз наружу и остановился. Факс замолчал, а Биш и Мирт сидели неподвижно. Наконец Мирт спросил:

– Ты собираешься посмотреть, что там?

– Вообще-то, там ничего не должно быть. Я сегодня больше ничего не ждал. Теперь чувствую, что там неприятности.

Он оторвал бумагу и стал читать. Закончив, молча передал документ Мирту.

– Вот оно и случилось.

Биш открыл мини-бар и плеснул себе немного рома. Мирт положил бумагу на стол. Официальный логотип Восточной энергетической компании сурово чернел, нависая над основным текстом. Основной текст гласил:

В федеральный Совет энергетических компаний

Исковое заявление

На основании ст. 5 «Общего соглашения» Восточная энергетическая компания считает незаконным присвоение Первой энергетической компанией Скважины № 9. Первая энергетическая компания не подала заявку на разработку после обнаружения скважины в установленные «Общим соглашением» сроки. Она не начала разработку в соответствии со ст. 10 «Закона Шерри». Однако в нарушение всех положений «Общего соглашения» 15 августа сего года на полугодовом собрании акционеров Генеральный директор Первой энергетической компании мистер Ричард Биш объявил акционерам о том, что Скважина № 9 находится в их собственности. Налицо грубейшее нарушение «Общего гарантийного кодекса» по ст. 7 п.1 «Незаконное присвоение скважины» и ст. 24 п.1 «Введение в заблуждение акционеров».

Восточная энергетическая компания ходатайствует перед Федеральным Советом энергетических компаний о следующем:

1. Назначить проведение слушаний о расследовании деятельности Первой энергетической компании в отношении Скважины № 9.

1.1. До окончания проведения слушаний приостановить деятельность Первой энергетической компании по добыче и разработке.

1.2. Возбудить персональное расследование в отношении генерального директора компании Роберта Биша.

1.3. Заморозить все счета Роберта Биша.

1.4. Ограничить свободу его передвижений.

2. Проведение слушаний о назначении свободного тендера на разработку Скважины № 9, с допуском на него физических лиц, на равных условиях и условии анонимности.

Копии направлены:

Первая энергетическая компания

Тотал Энерджи

Ист-Вест

Ассоциация частных старателей

Генеральный директор

Восточной энергетической компании

Майкл Скуббл

– Они что там, рехнулись?! – теперь встал Мирт.

В отличие от импульсивного Биша, он поднялся медленно и устало. Вяло махнул рукой.

– Они ведь не только скважину хотят заграбастать, они еще и тебя хотят упечь. Хорошо еще, если отправят на Плантации, а если...

– Это Скуббл. Скотина... – Биш покачал головой и скривил губы, -слушай, твоего Кирка надо убить... Вот это кашу он заварил!

– Нужно позвонить юристам. Может, они что-нибудь придумают.

– Не нужно никому звонить. Скуббл – дурак. Напыщенный, самодовольный дурак. Но это не самое слабое его место. Он еще и тороплив.

– Что ты имеешь ввиду?

– А то! Мы завтра же отправим исковое заявление в Совет с обвинением в клевете и распространении заведомо ложных сведений о наличии месторождения.

– Не понял...

Биш встал, с хрустом потянулся и сладко улыбнулся:

– А где доказательства того, что Скважина № 9 существует? Где она эта скважина? Скважина, где ты? Ау! Ее нет. А содержание полугодового собрания – коммерческая тайна. Это инсайдерская информация. Скуббл даже иск грамотно составить не может. Выдал сам себя с головой. Это мы его похороним. Завтра же начинаем процесс. Но до его окончания мы должны начать разработку. У нас месяц срока. Пусть Разведчики делают что хотят. А находку скважины регистрируем числом на день позже этой бумажки.

Биш взял со стола бланк с исковым заявлением, скомкал его и баскетбольным броском отправил в мусорную корзину. Затем сел на место и набрал программу обеда.

– Сейчас закусим как следует, и за работу. Но Кирк! Из-за какой-то бабы! Не иначе они его поймали в состоянии жуткого похмелья. Хотя он из него и не выходит никогда. Ну что он, у нас не мог взять деньги? Так горело? Два миллиарда мы бы ему нашли. Тем более за блокирующий пакет.

– Ты сказал – два миллиарда?

– Да, а что?

– Он просил три...

– Мирт, ты ничего не путаешь?

– Нет, конечно. Когда я что-нибудь путал?

– Так. Где еще один миллиард?

– Может, это не Кирк?

– Нет. Просто эта скотина продала информацию кому-то еще. И, скорее всего, это жучок. Продать информацию двум компаниям сразу он бы не осмелился. А жучок – другое дело. Компании жучков в расчет не принимают... А я-то думаю, с какой стати Скуббл приплел физических лиц. Но кто из жучков смог выложить миллиард?

На столе открылась крышка, и как всегда на мельхиоровом подносе появился обед на двоих.

– О жучке мы можем спросить у Кирка. Ведь теперь он нам должен.

– Bravo, Мирт. И эту проблему мы сегодня решили.

Биш утопил ложку в черепаховом супе. Но до рта он ее донести не успел. Факс снова зашумел, тихо и таинственно, как шумит морская раковина. Мирт и Биш медленно повернули головы. На бумаге виднелся чей-то портрет. Биш аккуратно вернул ложку в суп.

– Я разобью этот факс к чертовой матери.

Он поднялся и направился к аппарату. Взял послание. На нем было нечеткое изображение мужчины, чуть высунувшегося из шарообразного аэромобиля. Хотя лицо было взято крупным планом, разобрать какие-либо детали было невозможно. К Бишу приблизился Мирт и посмотрел ему через плечо.

– Что это? – Спросил Мирт.

– Да черт его разберет... Вроде мужчина.

– А волосы длинные...

– Да. Ты прав. Может и не мужчина. Они что там, изображение обработать не могли как следует?!

Прибой бился седой головой о берег. Играл с мусором. И лодку не отнесло. Ее выбросило на мокрый песок метров через сто. Лодочник оглянулся и заметил это. Черт с ней. Он зашагал прочь.

Биш помотал головой, отгоняя внезапное наваждение.

Зашагал прочь... Но фигура была знакомая. Нет, не фигура. Походка. Где-то Биш уже видел этот мерный, вроде бы неторопливый шаг. Но именно такими шагами пересекаются пустыни. Ровный, четкий, очень экономный ритм.

– Это Торч!

– Ты уверен? – У Мирта затряслись пальцы. – Он мертв.

– Он сбежал тогда. Был в таком состоянии, что за ним особенно и не следили. Я тебе не хотел говорить. Медики заверили меня, что он и недели не протянет. А потом... Год шел за годом, он никак себя не проявлял, ну я и успокоился.

– Ты точно уверен, что вот это размытое пятно – Торч?

– Он самый. А я-то думал, что тогда ночью мне просто померещилось...

– Когда?

– После полугодичного собрания. Так... телефон...

Биш выглядел абсолютно растерянным. Он беспомощно хлопал себя по карманам, мысли его блуждали где-то далеко. Мирт никогда не видел своего товарища в таком состоянии.

– Нужно предупредить их, что это Торч.

Наконец он нашел телефон и нажал кнопку:

– Алло. Это Биш. Я получил, да. Это Торч.

ГЛАВА 9

Свое современное название – «синдром хронической усталости» – заболевание получило после эпидемии в штате Невада (США) в 1984 году. Доктор Поль Чейни, практиковавший в небольшом городке Инклайн-Виллидж, расположенном на берегу озера Тахо, зарегистрировал более 200 случаев этого заболевания.

Хуч и Фримен сидели в своем флайере и ждали известий с Базы. Они припарковались на окраине Норткампа. На этом настоял Хуч, который и сам вырос в одном из таких рабочих городков.

– Мерзкое местечко, – настаивал Фримен, проведший свои детские годы в бандах Южной улицы Бурга. – Ты посмотри на эти рожи!

Мимо них проходила группа рабочей молодежи в одинаковой синей униформе. Растрепанные волосы, колючие глаза, сжатые кулаки. Они осматривали флайер Охотников как свою потенциальную собственность. Один из них остановился, подобрал камень, подбросил его на ладони и с вызовом глянул на Фримена. Фримен ослепительно улыбнулся в ответ, затем достал сигарету и стал с нарочито равнодушным видом прикуривать. Парень глянул на своих друзей. Те остановились неподалеку, предвкушая зрелище. Тогда он, изображая питчера, размахнулся и швырнул камень в дверной проем флайера. Фримен, не переставая прикуривать, выбросил руку, и кусок вулканического стекла прилип к его ладони. Фримен выпустил дым от первой затяжки и глянул на парня страшными глазами. С лица парня улыбка буквально стекла. Рабочая молодежь продолжила свой путь не оглядываясь.

– Любишь ты порисоваться, Фри.

– Первый, Второй, это База, – прервал их ленивую беседу динамик.

– Слушаю, База.

– Это Порч. Аэромобиль, как нам удалось установить, – «Дестер». Скорее всего, последняя модель.

– Спасибо. Посмотрите чашки контроля на шоссе...

– Уже посмотрели. «Дестер» последней модели проследовал в направлении Норткампа.

– В каком?!

– Норткампа.

– Спасибо.

Хуч щелкнул тумблером. Фримен захлопнул люк.

– Похоже, нам начинает везти. Я был не прав – это отличное местечко.

На экране бортового компьютера переливалась карта Норткампа.

– Торча я знал хорошо, – рассматривая карту, пробормотал Хуч. – Ходили слухи, что он мертв. Но я этому никогда не верил. Где он может спрятаться?

Фримен ткнул пальцем в серое пятно на северной оконечности города:

– Что это?

– Когда-то здесь располагался гарнизон федеральных войск. Сейчас это собственность муниципалитета. Заброшенный райончик... Торч любит такие места. Старая Крыса. Вызывай подкрепление. Если, конечно, он уже не справился со Смитом.

– А вот здесь его ждет сюрприз.

Флайер оторвался от земли и поплыл низко над улицей, словно вынюхивая следы.

– Настрой сканер на очертания «Дестера» последней модели.

Уже через минуту они протискивались между полуразрушенных кирпичных уродцев. Провалы окон взирали на чужаков с полусонным равнодушием. Флайер скользил бесшумно, ничем не нарушая царившее повсюду безмолвие. Он выглядел как новенький скальпель хирурга, раздвигающий ткани тысячелетней мумии.

– Вот он, – прошептал Фримен, указывая на трехмерную модель здания, в котором мерцал силуэт аэромобиля.

– Передай координаты подкреплению. Голосовую связь отключи. Переходи на код третьего уровня сложности.

Тонкие пальцы Фримена забегали по клавиатуре, как гигантская десятиножка. По дисплею понеслись цифры и буквы шифрованного текста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.